

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ

РАДИУС
ПОРАЖЕНИЯ

Арте́м Каменеи́стый

Радиус поражения

«ЭКСМО»

2010

Каменистый А.

Радиус поражения / А. Каменистый — «Эксмо», 2010

ISBN 978-5-9922-0698-2

Не жди спасения от армии – армии больше нет. Двери подъездов и квартир тоже тебя не защитят. Мегаполисы превратились в ловушки, кишачие охотниками. Человек был хозяином мира, а стал дичью. И все это произошло за один день. А ведь дальше будет только хуже... Растерянность, полное непонимание происходящего, страх, горе, боль и ярость тех, кто потерял все. И лишь горстка людей, которые кое-что знают. Знают главное – где найти того, кто должен за это ответить. Несколько случайных попутчиков. Старое самоходное орудие. Один снаряд, да и тот сомнительный. Орды врагов на пути. Не самые лучшие условия для начала миссии.

ISBN 978-5-9922-0698-2

© Каменистый А., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	41
Глава 5	51
Глава 6	60
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Артем Каменистый

Радиус поражения

Пролог

Дети! Последнее время.

И как вы слышали, что придет антихрист, и теперь появилось много антихристов, то мы и познаем из того, что последнее время.

Они вышли от нас, но не были наши: ибо если бы они были наши, то остались бы с нами; но они вышли, и через то открылось, что не все наши.

1 Ин. 2, 18–19

Апокалипсис – один из самых популярнейших сюжетов, впервые появившись в древнейшие времена, он не потерял притягательности до наших дней. Шумерские писцы, старательно наносившие клиновидные знаки на бруски сырой глины, и писатели индустриального века, стучавшие по клавиатурам своих пишущих машинок, занимались одним и тем же – вели хроники разнообразных вариантов конца света. Что общего между Библией, трудами Платона, поэмой Овидия, легендами полинезийцев и творчеством Герберта Уэллса? В них можно найти описания катастрофических изменений человеческого местообитания, приводящих к столь значительным трансформациям, что можно смело говорить о гибели привычного порядка вещей. Старый человеческий мир, достигнув предсмертного состояния, исчезает, уступая место новому.

Апокалипсисы бывают локальные и глобальные. В первом случае они затрагивают лишь часть мира, иногда географически или ситуационно изолированную от основной части, иногда нет. Во втором случае под удар попадает вся наша планета, Солнечная система, Галактика или даже Вселенная.

Иногда апокалиптические сюжеты основаны на реальных событиях прошлого. Чаше – вымышленные. Реже всего они основываются на реальных событиях будущего. К примеру, локальный апокалипсис – гибель «Титаника» – был предсказан в малоизвестном романе задолго до печального события, причем с совпадением массы деталей, начиная от стартовой ситуации столкновения с айсбергом до схожих размеров и названий погибших судов.

Немногочисленные представители человечества, уцелевшие после потопа, вторжения инопланетян, атомной войны или иного варианта глобального апокалипсиса, вынуждены приспособиваться к изменившимся условиям. Иногда этот новый мир получается лучше прежнего, но обычно делается гораздо хуже. Во втором случае людям приходится выживать, отчаянно сражаясь не только за свои жизни: умрут они – исчезнет наш род.

Несмотря на избитость темы, она по-прежнему пользуется повышенным спросом. Ведущие кинокомпании мира готовы вкладывать средства, сравнимые с государственными бюджетами небольших стран, в создание фильмов об уничтожении нашей планеты. При этом на ленты, в сюжетах которых главной темой проходит улучшение мира или воспитание в его обитателях полезных для всех нас моральных качеств, выделяются копейки. И это коммерчески оправдано – зритель массово пойдет лишь на первое.

Существуют теории, согласно которым апокалипсис даже полезен – главным образом из-за связанного с ним значительного уменьшения численности человечества. Ученые мужи с умным видом рассуждают о том, что все наши беды вызваны одной простой причиной – нас слишком много развелось. Вполне серьезно называются разные цифры минимально возможной популяции *homo sapiens*, все, что выше, уже лишнее. По самым щадящим расчетам подоб-

ных демографов выходит, что мы уже очень давно перешагнули опасную черту и пора сокращаться.

Экологические экстремисты прославляют вирус СПИДа, жалея лишь об одном: слишком медленно он распространяется. Войны, геноцид, эпидемии, голод – все, что уменьшает население планеты, вызывает у подобных личностей восторг. Нетрудно представить, что будет, если в их руки попадет особо опасный штамм или иное средство массового уничтожения. И найдется немало зрителей, готовых им аплодировать.

А то и помогать.

Откуда вообще в нас эта страсть к вопросу гибели мира? Мы что, втайне мечтаем о конце всего и рады любой картинке с подобным сюжетом? Наш мир и без того не идеален, так почему же мы готовы смаковать сюжеты, в которых он становится гораздо хуже? Если насчет самоубийственной мечты все верно, то это плохая мечта – ведь она может сбыться, как в том странном случае с «Титаником». И тогда наблюдать за гибелью мира придется не из мягкого кресла, и пальцы твои будут поглаживать не запотевшую бутылку пива, а что-нибудь другое.

Например, рукоять автомата. Или подгоревшую резину противогоза. Или даже узел жгута, перетягивающего обрубок твоей оторванной ноги. И тогда, прочувствовав разницу между реальной картиной апокалипсиса и тем, чем ты еще недавно любовался, сидя в удобном кресле, ты будешь неприятно удивлен противоестественностью своих былых пристрастий.

Но будет поздно.

У каждого апокалипсиса есть стартовый момент, с которого ход событий принимает линейно-неотвратимый характер. Марсианские кровососы веками готовятся к вторжению, но все начинается лишь в тот момент, когда их исполинская пушка делает свой первый выстрел, послав к Земле снаряд с десантом и боевой техникой. Это старт апокалипсиса Герберта Уэллса. В данном сюжете о нем было известно всем участникам – земные астрономы замечают угрозу в свои телескопы, хотя первоначально не догадываются об истинном значении наблюдаемого. Выпущенный снаряд уже не вернуть – вторжение началось. В библейском варианте с этим сложнее – там избранные получают исчерпывающую информацию от Бога, для остальных старт потопа становится полной неожиданностью, и первоначально они наверняка не понимали, что происходит. Возможно, даже радовались дождю.

Так же как радовались многочисленные зеваки, наблюдая за печальными последствиями столкновения двух машин. А почему бы и не порадоваться – ведь пострадала дорогая иномарка. Очень дорогая. Такую они себе никогда не позволят. Раз они себе этого позволить не могут, значит, вывод ясен – хозяин черной громадины наверняка вор. А если не вор, то еще хуже, – и это заключение не оставляет простора для оправданий зависти. Поделом ему – пусть теперь сидит в капкане изорванного металла, дожидаясь помощи.

Среди зевак избранных не было: высшие силы не сочли нужным тратить свое личное время на предупреждение этих ротозеев. Никто из них не догадывался, что это не простая авария: это – старт. Старт апокалипсиса. События только что приняли неотвратимый характер – снаряд Уэллса выпущен, причем без помощи пушки. Хотя своя пушка в этом апокалипсисе обязательно будет, но на сцене она появится гораздо позже, когда из этих зевак в живых останутся единицы.

Если вообще останутся.

Грузовик почти не пострадал, а вот роскошный черный автомобиль выглядел некрасиво. Ударом машину вышвырнуло с проезжей части, впечатало левой задней дверью в столб, после чего, отлетев, она смяла крышу о нижнюю раму рекламного стенда. Подушки безопасности помогли лишь отчасти: водителю размозжило голову, три пассажира оказались в ловушке – без помощи инструментов их из салона не вытащить.

Машина дорожной инспекции прибыла к месту событий быстро. Милиционеры в ожидании приезда спасателей сдерживали собравшуюся толпу и повелительно размахивали жез-

лами, столь сомнительным способом пытаясь остановить рост зарождающейся пробки. Один из стражей порядка, обходя пострадавший лимузин, заглянул в раскрывшийся от удара багажник и вытащил из него автомат.

Толпа зевак разразилась дружным вздохом и десятками комментариев. В банальной аварии появилась интрига. Честные люди с армейским оружием в багажнике не ездят, значит, это точно воры. Поделом им!

Приятное летнее утро – мило светит крымское солнышко, весело щебечут птички, неподалеку волны Черного моря лениво накатываются на берег, усеянный пропеченными телами загорающих. Смотреть на чужую беду, отягощенную интригующими событиями, при такой погодке – полная благодать. Зеваки были в восторге: будет что вечером рассказать приятелям и подругам.

Уже завтра многие из них умрут, а остальные переживут их ненадолго.

Кнопку запуска нажал не марсианин, а уставший водитель, не успевший вовремя вывернуть руль. Но разницы нет – апокалипсис стартовал.

Глобальный.

Хотя, если не придирается к тонкостям, зазевавшийся водитель лишь немного приблизил неизбежное.

Глава 1

Возможно, наступит день, когда человек, предсказавший конец света, прославится на пятнадцать секунд.

Лоренс Питер

На 1 стакан воды 50 граммов слабительного и 25 граммов снотворного. Выпить залпом после ужина.

Рецепт коктейля «Спящий за...нец»

Вчера Тоха в компании Лысого и Олега за вечер выпил упаковку из шести двухлитровых пластиковых бутылок пива. К сожалению, горячее закончилось слишком рано – пришлось топтать за добавкой пешком, потому что Паша ключи от машины спрятал. Троица пыталась получить доступ к автомобилю, отчаянно взывая к совести непьющего товарища и аргументируя свою просьбу тем фактом, что гаишников здесь со времен Крымского ханства никто не видел. Но этот гнусный урод крепко стоял на своем – пьяному за рулем делать нечего. Всего лишь по четыре литра на нос – да кто здесь пьяный? Увы, он игнорировал все вежливые аргументы, а спорить на повышенных тонах с этим перекачанным быком, помешанным на здоровом образе жизни, бессмысленно и вообще чревато. Зато по пути собутыльники хорошенечко обсудили все особенности характера Паши и его биографии, после чего дружно пришли к нерадостному выводу – Пашка, несомненно, латентный пассивный гомосек.

Добавку нашли легко. Для начала прямо у входа в магазинчик выпили по бутылочке темного, неспешно раздумывая над важными вопросами: что брать, в каком количестве и не поискать ли заодно девок, раз своих пока нет? Решили взять еще одну упаковку тех же двухлитровых и заодно поллитровку водки. Подумав на пороге еще раз (цедея по еще одной стекляшке, но уже светлого), взяли еще одну водку – уже ноль семь. После такого затаривания вопрос о девках вообще перестали поднимать – потащили добычу назад, в логово пансионата.

Лысый, оценив впечатляющее количество спиртного, предложил употребить его утонченно – в виде коктейля «Восхождение на Эверест». Собутыльники идею восприняли благосклонно, да и любопытно им было, что же это за коктейль такой. Раньше Лысого в эстетстве не замечали. Лысый вообще парень простой по характеру, да и внешне... С внешностью у него все максимально просто – в голливудских фильмах с такой мордой актеры обычно играют тупых мелких злодеев, а в медицинских справочниках под схожими фотками ставится пояснение, что носитель данной физиономии является дегенератом. То, что Лысый вообще знал слово «коктейль», уже само по себе было удивительно.

Коктейль оказался несложным в приготовлении, но не без оригинальности. Для начала Лысый налил каждому почти по полной кружке пива, после чего долил водки. Затем он сообщил, что это «базовый лагерь альпинистов» и пора начинать восхождение к вершине. Товарищи выпили по половине кружки, и он опять долил всем водки до верха. Процесс повторился несколько раз – трудности на пути к вершине возрастали, каждый новый шаг давался «альпинистам» труднее предыдущего. Из плюсов следует отметить полное отсутствие проблемы с придумыванием тостов – пили просто за достигнутую высоту, цифры беря с потолка. В итоге еще на середине восхождения «альпинисты» оказались на высоте двенадцати километров¹, что ничуть их не смутило: с географией дружили не все, а тем, кто дружил, все было по барабану. Когда в кружках перестало ощущаться пиво, Лысый торжественно констатировал, что высочайшая гора мира покорена, но оставаться на холодном пике нельзя – пора начинать спуск

¹ Высота Эвереста (Джомолунгмы), по современным данным, – 8844 м.

к базовому лагерю. Теперь в кружки доливалось пиво – с каждым шагом содержание водки становилось меньше и меньше.

Момент возвращения в «базовый лагерь альпинистов» Тоха помнил очень смутно. Он уже слабо понимал, что пьет, и вроде бы закусывал сгущенкой, потому что больше ничего не было: они ухитрились сожрать абсолютно все. Потом он блевал с крыльца домика, а Олег поддерживал его за плечо. Потом он вроде бы поддерживал Олега. И блевали они, похоже, неоднократно. Смутно помнилось, что Олег все время порывался идти куда-то за какой-то грандиозной по убойной силе травой, но его все время что-то отвлекало от этой важной задачи. Откуда появился коньяк и сколько его было, Тоха не знал, но совершенно четко помнил, что коньяк был. Потом...

Потом пришла амнезия.

Пробуждения бывают разными – хорошими и плохими. Сегодняшнее пробуждение было, наверное, самым неприятным в жизни Тохи. Он даже не сразу понял, что проснулся, – это походило на ночной кошмар. Не может человеку наяву быть так плохо – никто ведь не выживет при подобном. Голова... В голове... Нет, лучше даже не пытаться описать процессы, проходящие в голове, – среди цензурных слов нет ни одного достойного подобного описания, а нецензурные слишком скромны для полноты раскрытия картины.

В голове было очень плохо. Очень.

Вчера вроде бы пили не помои, но гадостный привкус во рту неопровержимо доказывал, что Тоха в этом заблуждался: именно помои. А еще, пока он спал, плохо воспитанные домашние животные использовали его ротовую полость в качестве туалета. При попытке открыть глаза правый заклинило – штора не поднималась. Веко оказалось заклеено какой-то подозрительной субстанцией. Отломив от нее кусочек, Тоха провел визуальный анализ, но так и не определил, с чем столкнулся, – походило на подсохшую блевотину, но очень хотелось верить, что это всего лишь остатки пиццы, неисповедимыми путями попавшие ему на лицо.

С трудом подняв организм с холодного линолеума, Тоха, пошатываясь, направился к столу в надежде найти там если не спасительный рассол, то хотя бы остатки томатного сока. Тщетно – банка из-под огурчиков была пуста и, похоже, неоднократно вылизана, а пачку, в которой вчера пребывало два литра сока, кто-то разрезал, чтобы добраться до последних капель, извлечению которых мешали особенности конструкции горловины.

Минералки тоже не было. Это уже серьезно – пахло неминуемой смертью от обезвоживания. Глаза с трудом сфокусировались на кое-чем интересном – то была пластиковая бутылка с желтым содержимым. Сладкий напиток? Да какая разница – Тоха готов был даже мочу туберкулезника выпить, лишь бы не сильно теплую.

В бутылке оказалось растительное масло. Об этом Тоха догадался лишь после того, как сделал исполинский глоток. С утробным хрипом успел выскочить на улицу, перегнулся через перила, изверг из себя поток чего-то мерзкого, сдобренного проклятым маслом.

Из-за угла показался Паша – почти двухметрового роста белокурый синеглазый перекачанный тип с лицом херувима и душой рваного контрацептива. Он по утрам занимался бегом и от этой собачьей привычки не отказался даже на отдыхе. Из одежды на гиганте имелись лишь ядовито-желтые огромные трусы. Или это шорты называется? Да какая разница – вряд ли он их нацепил для того, чтобы Тоху озадачивать: девкам местным свои трицепсы и разные ягодичные демонстрирует. Унылое создание – ему нечем похвастаться, кроме последствий злоупотреблений стероидами.

Паша, оценив происходящее, недовольно заметил:

– Утро доброе, Антоша. А слабо было в параше поблевать, как белый человек? Все ведь здесь загадили, будто свиньи.

– Привет и тебе, мечта гомосека, – хрипло произнес Тоха. – Слушай, друг, принеси лучше водички, а то я тут не только наблюдаю, а еще и подохну.

Паша, рукой описав щедрый полукруг, указал на море, шумевшее перед носом:

– Вон тебе водичка – пей, не стесняйся.

– Паш, Земля ведь круглая – принеси водички, и добро к тебе когда-нибудь вернется.

Здоровяк упрямо не желал становиться на праведный путь помощи страждущим.

– Ступай к морю, Антоша, ступай. Может, утопишься заодно. И смотри детей по пути не распугай – выглядишь ты как труп на последней стадии разложения.

Толкнув умную речь, Паша, развернувшись, последовал куда-то вдаль, параллельно берегу. Наверное, ищет очередных девок, которые еще не видели его яйцебицепсы. А может, и мужиков – от этого громадного мешка с дерьмом всего можно ожидать. Подождав, когда качок удалится на безопасное расстояние, Тоха пробормотал ему вслед несколько очень нехороших слов и неспешно поплелся к морю. Ему действительно нужна была вода, хоть какая-нибудь, – так почему бы и нет?

Босые ноги увязали в по-утреннему прохладном песке, каждый шаг казался подвигом, а проклятое море будто и не думало приближаться. Тоха уже решил, что не дойдет до него никогда, как тут под ступнями стало влажно. Еще несколько шагов – и вода достала ему до пояса, намочив низ рубашки. Тоха замер, с наслаждением сбросил напряжение в мочевом пузыре. Горячая струя, попав в ловушку мокрых джинсов, приятным теплом обдала пах. Нагнувшись, Тоха зачерпнул воды, затем еще и еще. Она оказалась не столько соленой, сколько неприятно горьковатой. Да и мочи в ней, наверное, хватало. По-хорошему, надо бы отойти от этого оскверненного места – волнения почти нет, ореол загрязнения вокруг него расплывается далеко не мгновенно. Но Тоха и не думал менять места – ему было безразлично. Он зачерпывал живительную влагу вновь и вновь, не обращая внимания на неприятный вкус и глазающих зевак, несмотря на ранний час оккупировавших пляж. Две какие-то сомнительные парочки с помятыми физиономиями, ленивые рыбаки с длиннющими спиннингами, пацаны, накачивающие резиновую лодку. Кто-то смеялся. Наверное, над ним.

Хорошо бы, если б они все сдохли. Сразу. Все. Мгновенно. Немедленно.

Становилось холодно. Июньское море теплое, но стоять в нем подолгу без движения не получится. Тоха, устало волоча ноги, выбрался на сушу, через силу сделал несколько неуверенных шагов, рухнул на сухой песок. Все – дальше он уже никуда не пойдет. Будет валяться здесь. И правильно – идти к заблеванному коттеджу с вонючими телами Лысого и Олега и вдвойне вонючим Пашкой... Не пойдет он. Если подохнет, то подохнет здесь, а не среди тамошней грязищи.

Но спокойно помереть ему не позволяли.

– Папа, а почему этот дядя лежит в мокрых брюках? – чуть ли не над ухом мерзко спросил пронзительный детский голосок неустановленной половой принадлежности.

Голос папы оказался не менее мерзким – визгливый, неприятно дребезжащий, действующий на нервы по всей их протяженности:

– Доча, дядя загорает.

– А почему он одетый загорает?

– Ну... чтобы не обгореть.

– А босой почему? Ножки ведь обгорят.

– А у него ножки уже хорошо загорели и не обгорят. Ты когда загоришь вся, сможешь весь день на солнышке бегать. А пока что нельзя – только утром и вечером.

– Папа, а когда приплывут дельфины? Ты обещал дельфинов!

– Скоро, доча, скоро. Им надо сперва кашки покушать. Вот сейчас мы с тобой пройдемся вон до того заборчика – и назад, кушать. Как маленькие дельфинчики.

Каждое слово этой парочки отдавалось в голове Тохи забиваемым раскаленным гвоздем. Выслушивая этот недлинный диалог, он проклинал папу и его отродье раз сорок, остро жалея, что мать малолетнего чудовища не сделала аборт на раннем сроке беременности. Когда свер-

лящий голос этой живой рекламы презервативов затих вдали, Тоха на миг ощутил неземное блаженство. Ему по-прежнему было невероятно паршиво, но изменение обстановки в лучшую сторону сказывалось.

Однако недолго он наслаждался тишиной. Сперва рыбаки подняли многоголосый шум – судя по всему, кому-то из них попалось на крючок нечто интересное. Наверное, иллюстрированный журнал для геев – ничто другое подобных выродков заинтересовать не способно. Затем малолетние прыщи, накачивающие лодку, что-то нехорошее с насосом сотворили – с каждым движением поршня он начал издавать свистящий раздражающий звук, равномерно капая на воспаленные мозги. Будь у Тохи силы, он бы сейчас поднялся и убил всех этих короедов, а их лодку порвал бы, как Тузик грелку.

Рядом на песок плюхнулось чье-то тело. Будь проклято все человечество – пляж, наверное, на сто километров тянется, но этому гомосеку вздумалось развалиться именно здесь. Для таких уродов следовало бы смертную казнь в Уголовном кодексе оставить – они не имеют права жить.

– Ты как? – хрипло поинтересовалось тело.

Голос был смутно знаком. Осторожно активировав участок мозга, отвечающий за память, Тоха вспомнил, что он принадлежит Олегу, и нашел в себе силы ответить:

– Подыхаю.

– Я так и понял. На вот – лекарство.

Ладонь ощутила холод. Раскрыв глаза, Тоха, не веря, уставился на запотевшую банку пива. Господи, ты существуешь! Банка была неполной, но это мелочи – первый глоток был подобен лекарству от всех болезней. Второй тоже неплох, а после третьего в тело Тохи робко заглянула жизнь, размышляя – стоит ли ей начать возвращаться или ну его на фиг. Примерно на пятом глотке она решила – стоит.

Добив банку до дна и вытрусив в рот последние капли, Тоха растянул рот в улыбке дебила, опустил лицо, зарывшись подбородком в песок. Олег, набрав перед его застывшими глазами жменю крупнозернистого песка, выпустил его из кулака тонкой струйкой, заговорил отрешенно:

– Видишь этот песок? В нем нет ничего, кроме обломков ракушек. Он весь состоит из ракушек. Из скелетов ракушек. Эта коса тянется на сто километров с лишним – от Геническа до Керченского полуострова. Шириной она километра два, где-то больше, где-то меньше. И вся из обломков скелетов. Если выкопать яму, то там будут тоже ракушки. На глубине они спрессовываются в ракушечник – из него здесь строят дома и разные сараи. Все это место – сплошное кладбище. Земли нет, камней нет, нормального песка нет – только эти скелеты. Самое большое кладбище в мире. Мы – на кладбище. Офигеть...

Тоха начал подозревать, что трава вчера все же присутствовала: без нее такой бред нести не станешь. Но слушать было не противно – слова больше не пытались жалить мозг. Он даже нашел в себе силы для поддержания беседы:

– Ох, мы вчера и дали газу... Я до сих пор в хлам ужратый.

– Аналогично, – признался Олег. – Как только влезло столько... И не сдохли почему-то... Ты это... ты на станцию поедешь?

– Какую станцию?

– Ну ты дал! Девочек же наших встречать надо – они сегодня приезжают.

При мысли о том, что ему придется куда-то ехать, Тоха чуть не заскулил. Он сейчас готов был вслух признать себя закоренелым геем перед всем миром, лишь бы не тащиться за этими проклятыми девками. Правильно поняв его состояние, Олег предложил гениальное решение проблемы:

– А пошли они все!.. Да?! Пусть Паша сам едет встречает. У них небось чемоданов пол-вагона, так что для нас в машине места не будет. Моя Алка точно тонну хлама с собой тащит – она та еще барахольщица. А твоя подруга как?

– Не понял?

– Крепко же тебе досталось... Наташка твоя как? Много с собой таскает хлама?

При воспоминании о Наташе Тоха поморщился. Отношения у него с ней были непростые. А если правильнее – у нее с ним. Он вообще в их странной паре находился на положении бесправного неодушевленного предмета. Сказать прямо – на положении фаллоимитатора. Наташа – это Наташа. «Я это достала. Я это сделала. Я его сняла. Я его трахнула. Я тебе второй и последний раз говорю – на море я приеду через день, и если я увижу, что вы пили или нашли для своих стручков гонорейных шалав, я тебе оторву яйца». Слишком много «я»... Тоха с ней проучился три года, не воспринимая ее как потенциальную добычу: в роли добычи ее вообразить было невозможно. Хищницей в любой паре будет она – против этого не пойти. Он даже не пытался считать, сколько самцов она за год употребила, – ее личная жизнь не представляла для него ни малейшего интереса. Но пришел миг, когда кошачий взор гиперактивной самки обратился на Антона. Он был снят, трахнут и закабален. И кабала продолжалась почти месяц (хотя казалось, что прошло уже не меньше года). Пара у них была странной. Наташка продолжала трахаться со всем, что шевелится, даже не пытаясь это хоть как-нибудь скрывать от общественности, а Тоха на ее грешное поведение никак не реагировал. Его, правда, подмывало послать ее в края, куда не возят таксисты, но он ленился – трудно решиться на такой серьезный скандал. Да и плюсы от их отношений все же имелись. В постели она была подобна извергающемуся вулкану, у нее имелись какие-то связи в деканате, что ему пригодились при сдаче последней сессии, и еще денежки у Наты водились. Эта поездка, по сути, профинансирована ею. Целеустремленность и оперативность подруги поражала: захотела на море – вопрос решила в два дня. Тоха бы раскачивался месяц.

– Не знаю я, сколько она барахла таскает. Мы с ней знакомы недавно.

– Странно. А мне показалось – там, у вас когда был, что вы давно вместе. И вообще странно вышло – и ты, и я первые прибыли, без подруг. Они как сговорились. Первый раз у меня так.

Тоха не ответил. Ему не хотелось разговаривать. Тошно и лень. Да и Олег не дурак – должен понимать, что ничего они друг о друге не знают. Познакомились случайно, когда Олег приехал на пару дней в гости к своему дяде, по совместительству соседу родителей Тохи. Приехал на день рождения – как представитель украинской родни, присланный для присутствия на значимом юбилее: дата была круглая. Тоха тоже вынужден был прийти – отношения с соседом у него были запутанными, но не появиться было нельзя. Наташке почему-то вздумалось прицепиться следом – видимо, рассчитывала снять парочку новых членов. А там как-то непонятно они с Олегом познакомились. А когда он расхваливал место, куда намерен поехать на море, вышло так, что Натаху это почему-то заинтересовало. В итоге Тоха сейчас валяется в мокрых джинсах рядом с парнем, о котором почти ничего не знает. Но и Олег в таком же положении – разве что штаны у него сухие. Про Пашу и Лысого Тоха знает лишь то, что они друзья Олега. Про то, что Паша – моральный урод, а Лысый – дегенерат, Тоха догадался уже самостоятельно.

Олег никак не мог уговорить – его подмывало поговорить.

– Алла не одна приедет, с ней еще Джули будет. В смысле, просто Юля. Раньше родки мои каждый год сюда выезжали – это типа наше семейное место. Понимаешь? Юлькины тоже. Матери наши вместе тогда работали, и ее мама мою сюда первый раз вытянула. Она со странно-слабыми, эта Юлька, но в принципе нормальная. Алка моя ее, похоже, ревнует ко мне, хотя у нас вообще ничего не было, так что я сам не пойму, почему они вместе едут. Юлька ведь не одна, а с предками здесь будет. Но те на машине, позже приехать должны, а она вот с Алкой

зачем-то поехала. Так что сперва мы сюда заявили, потом девки наши, а потом еще родаки Юлькины подтянутся. Вот такой у нас растянутый заезд. Весело в общем. Ты чего молчишь?

– «Санту-Барбару»² твою слушаю. Засыпаю под нее помаленьку.

– Э! Ты тут не спи! Сгоришь ведь – белый как сметана! Тут ведь тебе не кацапское солнышко – хохляцкое. Крым здесь. Вали к домику – под навес.

Тоха и его хотел послать в края, недоступные таксистам, но не стал. Во-первых, лень говорить, во-вторых, действительно припекает нешуточно. Штаны, наверное, уже парят. Валяться под такой экстремальной иллюминацией не хотелось. Пришлось поднимать страдающее тело и тащить его к домику. Там часика два еще поваляется – как раз придет в себя к приезду Наташки.

Чтоб ее поезд террористы взорвали...

* * *

Тоха, разумеется, проспал. И проспал капитально. Он не только не успел побриться и переодеться к приезду «любимой подруги», но и вообще не соизволил при этом приезде подняться. Ничего не слышал – блаженная нирвана мертвого сна. Он даже проспал все попытки его разбудить.

В итоге, проснувшись, первым делом понял, что в соседней комнате, по-видимому, проходит банкет. Тоха этому не удивился – вчера в ней тоже пили, значит, место изначально застолбили для конкретной цели на весь период пребывания. Голова все еще требовала медицинского вмешательства. Тем лучше – сейчас он ее подлечит простейшим русским способом. Тоха, даже не расчесавшись, опрометчиво выбрался к людям, позабыв про всех этих Наташек и Юлек.

А зря – все были в сборе. За столом помимо Олега, Лысого и Паши присутствовали три девушки. Крашенная полноватая блондинка с мясистыми губами, жавшаяся к Олегу, наверное, та самая его Алка. Вторая, конопатая крепкая простушка со вздернутым носиком, по-видимому, Юлия, которая со странностями. А вон та жестоко заштукатуренная макака-резус в ядовитом топики, обтягивающем гипертрофированную силиконовую грудь, – это «любимая» Наташка. А еще Тоха вспомнил, что он небрит и бос, у него грязные штаны, выпачканные в песке, и некогда белая рубашка, превратившаяся в тряпку. Почувствовав себя крайне неудобно, он коротко обратился к собравшимся:

– Привет.

– Видали? Явление алкаша народу! – привычно визгливым голосом прокомментировала Наташа. – Я тебе что говорила?! А?! Ты какого здесь нажрался?! Даже не встретил! Все ребята как люди, один ты как мешок с анализами тут валяешься!

Решив наглядно продемонстрировать высокие моральные качества остальных ребят, Наташа потеснее прижалась к Паше, хотя и без того сидела чуть ли не на первичном половом признаке этого уродца. Тохе хватило одного полувзгляда, чтобы понять: сегодня Пашу трахнут. Оставалось надеяться, что этому нудному гомосеку традиционный секс не понравится настолько, что он наблюдает в два раза больше, чем вся пьяная троица. А еще Тоха понял, что о судьбе Пашки догадываются все присутствующие: ловя на себе их взгляды, он с трудом удерживался от желания провести рукой по волосам – нет ли там ветвистых украшений.

Зачем он вообще поехал на это вонючее море?!

Минут на пятнадцать Тоха отключил слух, не желая воспринимать непрекращающийся поток угроз, оскорблений и упреков, исторгаемый Натой в его адрес. Молча цедил пиво, при-

² «Санта-Барбара» – в данном контексте речь идет о знаменитом сериале конца XX века. Всего было снято 2137 серий, в которых подробнейшим образом описывались все детали личной жизни героев.

меряясь к порезанной копченой колбаске, – тянуло на соленьечное, вот только желудок при намеке на еду вел себя как-то подозрительно: опасно настораживался.

Когда тема хронического алкоголизма Тохи себя исчерпала, Наташа не унялась – тут же перевела разговор на другую, не потеряв при этом своей доминирующей роли: переговорить ее было невозможно.

– Олег! Ты говорил, что тут вообще пляжи пустые и можно хоть голышом загорать. А я смотрю, что вон – народу полно. Ты обманщик!

– Да нет, все верно, – поспешил оправдаться Олег. – Мы ведь под самым Стрелковым – это последнее большое село на косе. Дальше несколько баз отдыха и все – пустыня безлюдная. На машине чуток отъехать – и вообще никого, до самого горизонта.

– На машине? А когда поедем?

– Да хоть завтра с утра. До озер можно стонять. В них вода соленая сильно, утонуть невозможно. Прикольно плавать. И людей там нет вообще, только пограничники иногда показываются или браки. В смысле, браконьеры.

– Завтра? – надулась Наташа. – А сейчас что делать будем? Я на солнце выходить не хочу – я ведь почти белая. Если тут начну загорать, следы от купальника останутся на полгода. Мне надо без ничего немного поваляться. Павел, может, отвезешь меня подальше на пару часиков – перед закатом бы позагорала нормально.

– Да без проблем, – запросто ответил Паша, делая вид, что не обращает внимания на ее рогатого приятеля.

Тоха, отхлебнув пива, почувствовал, что голова тяжелеет на глазах: видимо, рога растут ускоренными темпами. Наверное, в алкоголе слишком много кальция. За столом воцарилось напряженное молчание – народ ожидал от опозоренного Тохи какой-нибудь острой реакции на происходящее. Его девушка вульгарно клеилась к парню у него на глазах, – чем же это закончится? Дураки – они не знают, с чем столкнулись. Если Наташа решила – Наташа сделает. И удивительнее всего, что Тоху ничуть не волновали ее аморальные планы. Его немного напрягало лишь то, что его в очередной раз выставляют рогоносцем в глазах народа. И что сделать? Врезать ей? Идея хорошая, только вот она в ответ вырвет его глаза, а потом вставит на освободившееся место яйца. Его яйца. И Паша, наверное, добавит в ухо – он ведь урод. Нет – не нужны Тохе такие мазохистские приключения.

Встав, он прихватил со стола банку пива, невозмутимо проследовал к двери, бросив через плечо:

– На воздухе получше будет – надоел этот вонизм.

– Ты куда это поперся? – взвизгнула Наташа. – Опять напиваться?

– Нет – мастурбировать, – не оборачиваясь, буркнул Тоха.

– Иди-иди! Пинцет не забудь!

На веранде было душновато – опускающееся солнце неплохо здесь все прожарило. Забившись в тенистый уголок, Тоха лениво глотнул из банки, при этом краем глаза заметив, что вслед за ним вышел кто-то еще. Покосился: Юля – простушка с мило вздернутым носиком. Да не такая уж и простушка – чуток подкрасить, и будет ничего. Да и без краски она посимпатичнее трех Наташек.

Девушка, расположившись в противоположном углу веранды, прямо на солнцепеке, оперлась о перила, уставилась на море. Чего это она за ним вышла? Типа знак внимания, или что? А ведь будет здорово, если она на него западет, – Наташа сделается очень недовольна. А он ее пошлет далеко под это дело – достала она его уже. Пора решаться на конкретный скандал: затянул он с этим нужным делом. Прекрасный выйдет развод – пусть теперь этому перекачанному педику на мозги капает.

Если там есть на что капать.

Тоха приступил к упрощенной процедуре ухаживания. Взлохмаченный, шатающийся, с подсохшей блевотиной на лице, в джинсах, похожих на форменные штаны грузчика цементного комбината, и с неполной банкой пива в трясущейся руке он, изобразив что-то похожее на улыбку, направился к девушке. Примерно с трех шагов обдав ее облаком ядерного перегара, почти нормальным голосом начал налаживать отношения:

– Ты, наверное, Юля? А я – Антон, можно просто Тоха. Хочешь пивка?

Девушка, стремительно обернувшись, поприветствовала его резким ударом колена в пах. Тоха, уронив пиво, сложился пополам, поняв, что отношения, похоже, не наладились. Юля, склонившись в самое ухо бесстрастно прошипела:

– Никогда ко мне не подходи!

У нее что, неоперабельная шизофрения?! А ведь Олег честно предупреждал, что она со странностями. Ну почему у него сегодня все так плохо?! Лелея ушибленные места, Тоха ронял скупые слезы. Ему было очень больно и обидно и не хотелось даже думать, какие сюрпризы ожидают его дальше. Ведь еще две недели – целых две недели отдыха.

Да лучше повеситься, чем так отдыхать.

Глава 2

Здравствуйте! Когда вы дочитаете эту надпись до конца, повреждения вашего организма, вызванные ионизирующим излучением, примут необратимый характер.

Спасибо!

Текст на предупреждающем знаке

В Бельбеке³ Рощина встретили по-деловому – без помпы, суеты или проволочек. Хотя совсем без проволочек не обошлось: таможенный контроль вцепился в него, будто стая голодающих энцефалитных клещей в заблудившегося нудиста.

Ему доводилось слышать невероятные истории об особенностях украинской таможни, но столкнулся с ними на своей шкуре впервые. В любом случае это произошло до знакомства с водителем, присланным за российским гостем, так что к самой встрече отношения не имело.

Ехали молча. Рощин не любил вести пустые разговоры со случайными людьми, водитель тоже в душу не лез. Судя по всему, он был не посвящен в дело, иначе бы еще по дороге начал выдавать вводную информацию.

Остановив машину перед зданием характерно казенного вида, водитель сообщил:

– Вот. СБУ⁴. Здесь вас ждут. Вещи куда отвезти?

Вещей у Рощина было немного – кейс и сумка, заполненная дальневосточной корюшкой и бутылками с настоящим армянским коньяком. Собственно, из-за содержимого сумки ему и пришлось задержаться на таможенном контроле – в Украину легче плутоний⁵ ввезти, чем спиртное и непотрошеную рыбу. Бродить с такой сумкой по логову законности было бы не слишком удобно. Рощин продиктовал водителю адрес. Предупреждать-звонить не стал – он знал, что по этому адресу его давно уже ждут с нетерпением. Для начала дождутся сумку, а там и сам доберется.

На входе у Рощина потребовали документы. Он беспомощно полез в карман, заподозрив, что здесь произошла накладка и его никто и не думает встречать. Местные служивые наверняка не станут трепетать при виде его корочек. Это тебе не Россия, и что такое Двенадцатое ГУМО⁶, здесь знают так же хорошо, как павианы квантовую физику. И куда ему дальше надо продвигаться, вряд ли подскажут. И очень хорошо, если не пошлют подальше, – после незабываемого общения с местными таможенниками он был готов к любым сюрпризам от здешних существ в форме.

Рощин ошибся – служивые, изучив его документы, бурной радости не изобразили, но всеми дальнейшими действиями наглядно доказали, что его здесь все же ждут. Через пару минут появился майор Деверев – тот самый, с которым он общался по телефону перед вылетом. Уже на ходу он сжато проинструктировал важного гостя:

– Здесь у нас власти нет – все основывается на личных контактах. И вообще отношения к нам сложное – верховная власть спит и видит, как бы вывести отсюда наш флот побыстрее, – для НАТО место освободить. Статус у Севастополя, конечно, особый, вот только в этом деле работает СБУ, и мы никаким боком в него влезть не имеем права. Вы представить не можете, что нам пришлось проделать, чтобы организовать вашу встречу со следователем. По закону нам

³ **Бельбек** – гражданский аэропорт в Севастополе.

⁴ **СБУ** – Служба безопасности Украины.

⁵ **Плутоний** – радиоактивный химический элемент, используется при производстве атомного оружия.

⁶ **12-е ГУМО** – 12-е Главное управление Министерства обороны РФ (ранее СССР) – специализированное структурное подразделение Минобороны, занимающееся технико-ядерным обеспечением. Также обеспечивает безопасность эксплуатации ядерных боеприпасов и их сохранность, организует противодействие ядерному терроризму.

просто надо ждать результатов расследования, но не факт, что дождемся. Здесь ведь волшебная страна – пропадают даже уголовные дела, заведенные по факту убийства, не говоря уже о таких мелочах.

– Мелочах? Если дело мелкое, то почему им СБУ занимается?

– Да тут один интересный тип замешан – на его машине эти ребята разбились. Интересен он как раз для СБУ. Но я вам этого не говорил. И вообще при разговоре держитесь аккуратнее – наверняка все писать будут. Не ляпните лишнего ненароком.

– Эти ваши личные контакты... Реально будет с задержанными пообщаться?

– Будем надеяться. Все, что могли, мы уже сделали. Если вас в чем-то попросят пойти навстречу, рекомендую соглашаться. Взамен отблагодарят чем смогут, здесь о взаимной выгоде не забывают. Сегодня нам припекло, завтра – они на поклон пойдут. Так и живем...

Рощину неоднократно доводилось бывать в кабинетах крупных милицеских чинов и даже шишек из ФСБ. В кабинете представителя СБУ он находился впервые, но разницы не ощутил. Та же специфическая казенщина. И манера приветствовать, не выходя из-за стола, протягивая руку издали, кое о чем говорила. Эх, ну до чего же был не прав Хрущев, подавивший Крым украинцам! Ведь никак не надавить теперь...

– Грищенко Игорь Анатольевич, – представился хозяин кабинета.

– Рошин Сергей Павлович.

– Не тот ли Рошин, что в Балаклаве прославился по той же атомной части?

Рошин ни на секунду не усомнился, что Грищенко ответ знает, так что к вопросу можно относиться как к элементу стандартного местного приветствия.

– Нет, не тот. И даже не родственник. В России полтора миллиона Рошиных – просто однофамилец.

– Это хорошо, – улыбнулся эсбэушник. – Тот ваш однофамилец плохую там о себе память оставил при ликвидации арсенала. Дел наделал...

– Не он один. Безъядерный статус дался Украине нелегко – все ведь в дикой спешке делалось, на нервах, при давлении с верхов нешуточном.

– Да, естественно. Проблем тогда хватало... как и сейчас... Ну так что – к делу?

– Можно.

– Да вы присаживайтесь. Как я понимаю, вас очень интересуют стволы, которые изъяли у задержанных? Примчались вы быстро – запрос-то этим утром давали.

– Стволы? Мне сообщили об одном пистолете – его номер прошел в запросе от вас. Мы этот пистолет очень давно ищем – если бы не сотрудничество, так бы и не узнали.

– Да, в запросе мы передали только один номер, но пистолетов все же имеется два. Вам, думаю, надо самому на это чудо взглянуть.

Грищенко подвинул к краю стола два пакета с пистолетами:

– Можете развернуть – все пальчики и образцы уже сняты. Даже рекомендую развернуть – сквозь пленку видно хорошо, но без нее вам ЭТО гораздо больше понравится.

Следователь явно пытался Рошина заинтриговать, и у него это неплохо получалось: тот начал ощущать приближение новых сложностей в этом и без того непростом деле. Или, наоборот, мига триумфа. Но во второе верилось слабо.

Развернув первый пистолет, Рошин бегло его осмотрел, удовлетворенно произнес:

– Да, это наш ствол. Номер сходится.

– Вы на второй посмотрите. Хорошенечко посмотрите, – с непонятным намеком попросил Грищенко.

Игнорировать просьбу Рошин не стал. Развернул. Посмотрел. Посмотрел внимательно. С трудом удержал руки на месте – те неудержимо потянулись протирать глаза. Грищенко, добродушно улыбнувшись, уточнил:

– Так что – это тоже ваш?

– Похоже, тоже мой... – растерянно произнес Рошин. – Оба мои. Номера ведь одинаковые. Что за бред – кому понадобилось номер набивать такой же? Я понимаю, когда номера вытравляют, чтобы скрыть происхождение ствола, но это...

– Номер заводской – наши эксперты следов перебивки не обнаружили. Да вы посмотрите внимательно, как я просил. Вот видите царапину на рукояти? А теперь на второй взгляните – та же царапина. И вот это сравните, и здесь вот. Можете разобрать, осмотреть внутренности. Но можете и не разбирать: эти пистолеты – точная копия друг друга, их уже много раз до мелочей осматривали. И дело даже не в номерах – у них все одинаковое. Они полностью идентичны. Царапины, потертости, следы коррозии, даже частицы мусора в механизме и стволах – все совпадает. До молекулы совпадает... наверное...

Рошин, не переставая изучать пистолеты, с каждым мгновением выглядел все растерянее и растерянее. К такому он готов не был. Может, «хохлы» решили пошутить над российским «гостем»? Бред – не нужно им это. Тогда что здесь происходит?

Грищенко, озвучивая его мысли, продолжил:

– Вы, похоже, удивлены. Как и мы. Мы, кстати, надеялись, что вы нам проясните, откуда взялись эти пистолеты-близнецы.

Рошин напрягся. Рассказать? Это в общем-то не гостайна, но информация не для всех. Не рассказывать? Тогда вряд ли ему позволят переговорить с задержанными. А без этого разговора он ничего не узнает – местные службисты в таком же недоумении, как и он. Ему не хотелось даже думать, что он станет объяснять по возвращении. Сказку о пистолетах, будто вышедших из-под ксерокса, начальство воспримет негативно. Странная информация и бесполезная – ответов ведь нет. Выслушав столь удивительные новости, озлобленное руководство начнет на практике ему доказывать все плюсы и минусы нетрадиционной сексуальной ориентации. Ему нужно обязательно добиться от местных содействия, значит, придется делиться. Пусть не все, но кое-что рассказать можно.

– Этот пистолет пропал семь лет назад. Пропал с нашего объекта. Если точнее – на объект было совершено разбойное нападение. Погибло несколько наших солдат и офицер. Этот «макаров»⁷ был у убитого офицера. При нападении было похищено и другое армейское имущество. С тех пор это дело так и висит – ни малейших следов не нашли. Этот – первый.

– «Макаров»? – хмыкнул Грищенко. – Не думал я, что ваши бойцы охраняют ядерные арсеналы с таким старьем.

– Это был не арсенал. Ядерного оружия или его компонентов на объекте не было. Вспомогательное хозяйство и склады с разным хламом. Но все же это был наш объект. И находился он внутри охраняемого периметра. Солдат убили холодным оружием – те не оказали сопротивления. Простые срочники. Но вот на периметре стояли те еще волкодавы – мимо них не проскочить. Однако они ничего подозрительного не заметили. Также электронные средства охраны не сработали. Незадолго до случившегося объект использовался как пункт складирования компонентов ядерного оружия для дальнейшей отправки на утилизацию – его уничтожали по международному договору. Все это уже прекратилось, но охрана оставалась серьезной. Сами понимаете, что такое ЧП не могло не наделать шума.

– То есть, если бы нападение произошло на полгода раньше, эти ребята могли бы получить доступ к...

– Да, именно так. У них был шанс получить то, с помощью чего, при наличии специалистов и вполне доступного оборудования, можно было сделать взрывное устройство. Очень серьезное устройство. Хотя это маловероятно – материалы находились за вторым периметром,

⁷ «Макаров» – пистолет Макарова (ПМ). Состоял на вооружении армии СССР, затем России. В XXI начался постепенный переход российской армии на более современные модели.

в спецскладе, в тяжелых контейнерах, под усиленной охраной. Но вы должны понимать – это все равно серьезное ЧП.

– Я что-то подобное и подозревал. Вы ведь не из военной прокуратуры и не из конторы. Двенадцатое ГУМО... Что там еще пропало, кроме пистолета? Может, у нас где-то тоже всплыло.

– Ничего серьезного. Но если б всплыло, об этом бы стало известно.

– А все же? Если это не атомные материалы, то, надо понимать, меры секретности в таком деле недраконовские. Вы мне шепнете – я вам помогу. Сами ведь понимаете.

– Понимаю. Но вам это ничем не поможет. К примеру, при том нападении пропал бронетранспортер. Бесследно пропал – семь лет уже ищем, и все без толку.

– Прелестно, – восхитился Грищенко. – И охрана периметра этого не заметила?

– Именно так.

– Из охраняемого бокса в районе склада для хранения частей ядерных боеголовок пропал БТР⁸... Совсем пропал... И в ту страшную ночь даже собака не гавкнула... Теперь я понимаю ваш необычный интерес к этому пистолету...

– Я седьмой год занимаюсь этим делом, сталкивался и с другими подобными случаями, но не на наших объектах. У меня нет доказательств, но я почти уверен, что здесь действует целая шайка. Это профессионалы. Они всех в тупик ставят. Меня в холодный пот бросает при мысли о том, что им захочется украсть у нас что-то по-настоящему серьезное. Мы не понимаем, как им противостоять, – они будто невидимки. Пропадало оружие, боеприпасы, военная техника, документация. У нас, конечно, частенько воруют – куда ж без этого, но здесь не воровство – здесь мистика какая-то. То, что они делают, невозможно. Тот бронетранспортер был похищен зимой. Утром на свежеевыпавшем снегу не было следов. На единственной автодороге их тоже не было. Охрана ничего не заметила. Ворота бокса не открывались – пломбы не тронуты, причем эксперт поклялся мамой, что, судя по следам коррозии, никто их не открывал несколько месяцев. Бронетранспортер попросту испарился. А он ведь большой. И тяжелый. Мне было нелегко докладывать об этом начальству...

– Да уж... Сочувствую... Вот взгляните – это номер автомата, изъятого из машины задержанных. Никто из ваших еще не откликнулся, но, думаю, он тоже может быть из России. Вам про него рассказали?

– Нет, мне сообщили только про пистолет. Один пистолет. Но сейчас проверю.

Рошин полистал записную книжку, уже через минуту удовлетворенно кивнул:

– АК-74М, похищен шесть лет назад при убийстве часового. Судя по почерку, могли работать те же ребята – аналогичные фокусы с бесследным исчезновением с закрытой территории. Я, собирая данные по всем аналогичным случаям, записывал все номера пропавшего оружия и техники. Пистолет еще мог быть совпадением, но в сочетании с автоматом... Думаю, вы задержали тех, кого мы так давно ищем. Вот только бред с двумя «макаровыми» у меня в голове не укладывается...

– У меня тоже, – признался Грищенко. – Да и не только у меня...

– Поговорить с задержанными возможно?

– Вообще-то это как бы нельзя, но... Думаю, и вам и нам совместно провести допрос будет полезно.

– Когда?

– С одним можно прямо сейчас – его уже доставили из клиники. Второй все еще в первой больнице – травматологическое отделение. При нем дежурят наши люди.

⁸ БТР – «бэтээр», «бэтэр», «броня». Бронетранспортер. Общее наименование многих моделей колесных бронированных боевых машин, состоявших на вооружении армии СССР. Ввиду приличного веса и больших габаритов незаметно похитить подобную машину с охраняемого объекта крайне проблематично.

– Ранены при задержании?

– Нет, все обошлось тихо. Задержали их вообще случайно. Машина, на которой они ехали, попала в аварию. Разбилась всмятку. Водитель погиб сразу, один из пассажиров истек кровью, не дождавшись помощи, – в салоне его зажалю. Двое выжили. Один из них отделался царапинами, врачи уже разрешили его допрашивать. Со вторым дело похуже – остался в травматологии, под охраной. У него сложный перелом ноги и сотрясение мозга. Ну и еще по мелочам. Пока что врачи его нам не отдают.

– Понятно. Ну так что там насчет первого? Поговорим?

– Почему бы и нет. Правила для того и созданы, чтобы их иногда нарушать – для общей пользы. Но, если вам нетрудно, для начала свяжитесь со своими – передайте данные по задержанному. По документам он ваш гражданин, но не знаем, можно ли этому верить. Пальчики его, кстати, в базах не значатся. Думаю, у вас есть способы получить информацию о человеке быстрее, чем по нашим каналам, – так что выручайте. Услуга за услугу.

* * *

Семь лет назад неустановленное количество неизвестных лиц, проникнув на территорию охраняемого объекта неведомым способом, непонятно как похитили вполне определенное количество воинского имущества. При этом погибли военнослужащие. Происшествие было признано самым угрожающим со времен 1991 года (с точки зрения обеспечения сохранности атомного вооружения и компонентов атомных боеприпасов). Случай, разумеется, не попал в прессу и вообще огласку получил лишь в очень узком кругу. Но внимание ему уделяли повышенное, и даже семилетний срок не сильно унял любопытство ответственных лиц. Рошин уже не мог точно сказать, сколько раз за эти невеселые годы ему ставили скипидарные клизмы повышенного литража. Применяли их главным образом из-за того, что в его отчетах было слишком много слов «неустановленные», «неизвестные», «непонятные».

Командование требовало ясности, а Рошин ничем здесь помочь не мог. В итоге клизмолечение не прекращалось.

Спускаясь в комнату для допросов, Рошин немного волновался. Пока что зловещий призрак двухведерной клизмы не уходил – после отчета о находке чудесным образом клонированного пистолета («неизвестные лица непонятным способом с неведомыми целями создали неустановленное количество точнейших копий похищенного оружия»), в скипидар, пожалуй, добавят мелких гвоздей и патефонных иголок. Но если задержанный прольет свет на загадки этого таинственного дела, клистир вообще отправят на склад за ненужностью.

Задержанный Рошина разочаровал. Рошин, годами ломая голову над случаями удивительных похищений тяжелой бронетехники и новейшего вооружения со строго охраняемых объектов, подсознательно ожидал увидеть сверхчеловеческого ниндзя с головой Эйнштейна и бицепсами чемпиона мира по культуризму. Но все оказалось несколько не так.

В школьные годы через парту от Рошина сидел Толик Чугаев. Сейчас таких мальчиков принято называть «ботаниками» или кем-то в этом роде, но тогда все было не так. Толик являлся носителем не слишком гордого прозвища Сопля, и по упрощенной подростковой классификации человечества его относили к низшему классу – «человек морально опущенный» (сокращенно – чмо). И ведь было за что. Постоянно шмыгающий нос, бегающие глаза, патологическая трусоватость, нулевая физическая подготовка. Учился в случаях стукачества, однажды был застигнут мастурбирующим на стопке матов в спортзале, неоднократно пытался заглянуть в девчачий туалет на втором этаже, используя для этого крышу пристройки (откуда однажды упал, сломав при этом запястье). Ходили невероятные слухи, что в летнем лагере он, как стукач, по приговору «пацанского суда» был, как говорится, «опущен», что не прибавило ему авторитета. Вид у этого порочного пацана был под стать характеру – лицо

хорька, щедро усыпанное перезрелыми гнойными прыщами, близорукие глазки крота, кривые зубы, сутулый, болезненно худой, но при этом с выпирающим животом. Мускулатуры не имелось вообще – кожа местами к костям прилипла. Толик был глуповат, хотя и начитан, умел грамотно подлизаться к учителям, вследствие чего не имел проблем с положительными оценками. Злопамятность его поражала, как и неблагодарность. Били его частенько, невзирая на последующие неприятности (стукачом он был неисправимым).

Толик ухитрился дурачки утонуть в теплый летний день, плавая на виду у сотен людей в хорошо прогретом городском водохранилище. Роцин подозревал, что ему в этом помогли «верные друзья» – слишком многие его не любили, а милиция и в те патриархальные годы не старалась копать слишком глубоко.

Но если бы Чугаев не погиб в юном возрасте, он, достигнув отметки сорок пять – сорок семь лет, наверное, выглядел бы точно так же, как этот задержанный. Все как у подростка, только жизнью потаскан чересчур, чуток растолстел и прыщи исчезли (хотя не все). Правую щеку закрывает пластырь, на шее корсет – последствия аварии. Глаза его... Одного взгляда хватило, чтобы Роцин понял: этот человек незаметно пробраться через охраняемый периметр не способен. Стопроцентно. Мелковат душой он для такого дела – обгадится еще на дальних подступах к объекту. Шестерка? Случайно замешан? В любом случае он хоть что-то знать должен. Пусть даже сущую мелочовку – малейшая информация по этому делу бесценна.

Грищенко, включив диктофон, допрос начал гротескно-стандартно:

– Имя, фамилия, отчество.

Задержанный, звякнув цепью наручников, криво усмехнулся:

– У вас мой паспорт лежит – вот там и посмотрите. Или в вашей «самостийной Украине» по-русски уже читать не умеют?

Грищенко спорить не стал – раскрыл паспорт, поморщился:

– Махров Эдуард Витальевич. Уважаемый человек. Известный борец за экологию и права животных. Успешный бизнесмен. Щедрый спонсор многих «зеленых» организаций. В прошлом научный сотрудник, защитил диссертацию по теме «Электромагнитные методы исследования ореолов загрязнения подземных вод с использованием многочастотных сигналов». Кристально чистая биография, если не считать неподтвердившихся подозрений в связях с «экоотеррористами»⁹. Спутники ваши, за исключением водителя, люди такие же уважаемые. Как это вас, таких исключительно положительных, занесло в такую грязную историю? Оказались в машине, набитой оружием, с человеком, по которому давно тюрьма рыдает, он ведь на воле надолго не задерживался. Только не рассказывайте мне, что он таксистом подрабатывал и вас в библиотеку подвезти взялся. Вы пистолет скинули, но след оружейной смазки на одежде остался, да и запасную обойму позабыли бросить.

– А я и не отрицаю, – улыбнувшись, ответил задержанный.

– Вы признаете, что пистолет ваш? – оживился Грищенко.

– Да, признаю. Могу расписаться в этом, если ручку дадите.

– Дам. Позже. Скажите – а откуда к вам попало это оружие?

– Из воинской части. Оно российское. Его сняли с тела убитого солдата или офицера. Мы предпочитаем российское или американское вооружение – оно обычно поновее и в хорошем состоянии. Украинский хлам у нас не котируется. Извините за неполиткорректную прямоту – из песни слов не выбросишь.

⁹ **Экоотерроризм** – радикальные действия «зеленых» организаций, групп и отдельных «экологически озабоченных лиц»: саботаж на предприятиях, загрязняющих окружающую среду (экотаж) и запугивание их сотрудников, уничтожение лесозаготовительной техники, освобождение подопытных животных (в том числе инфицированных и нежизнеспособных), пиар-акции, подкрепляемые терактами, и т. д.

Рощин насторожился – слишком как-то легко все идет. Этот хорек хладнокровно колется с первых секунд допроса и при этом нагло ухмыляется. Грищенко, наверное, тоже в недоумении – ему небось всю стратегию дознания это прыщавое чмо поломало.

– Это вы убили военнослужащего?

– Я что, похож на убийцу? Нет, конечно. Это сделала обычная элитная свинка. Спецотряд для захвата шаблонов.

– Свинка? Расскажите о нем подробнее. Это кличка?

– Вы что, всерьез можете поверить, что кто-то по кличке Свинка мог убить вооруженного солдата? Свинок у нас много, и рассказывать я о них не буду. Сами все узнаете. Придет время – придут и свинки.

Грищенко покосился на Рощина, качнул головой, изображая сокрушенный жест. Тот и сам стал подозревать, что с головой у задержанного имеются определенные проблемы, но тем не менее он информацию все же выдавал – грех прекращать допрос. А следователь и не помышлял о прекращении:

– Назовите место, где эта ваша свинка совершила нападение на военнослужащего.

– Откуда мне знать? Слишком много таких мест было – я не могу помнить, что и откуда притащили. Где-то в России.

– Махров, не работайте под дурака. Вы уже достаточно наговорили – говорите уже и дальше. Хуже точно не будет.

– Вам свинки неинтересны? Вам интересно только место, где они прихватили эту железяку? Да вы смешны. Этих железяк у меня миллионы – вот что вам должно быть интересно. И не надо меня обвинять непонятно в чем, я действительно не знаю, что это за место было. Некоторые объекты выбирал я, некоторые – другие наши люди, всего не может помнить никто. Свинки оружие разное уже несколько лет таскают. Танки, бронетранспортеры, переносные зенитные ракетные комплексы, крупнокалиберные пулеметы, а уж разных автоматов-пистолетов не сосчитать. Даже гаубица самоходная была и бронекатер. Мы уже начали испытывать нехватку ресурсов – обычного железа не хватает все это нарабатывать. Приходится возиться с некондиционными рудами из ваших отвалов или вообще телепортами хватать породу простую – пусть в ней даже считанные проценты железа. Наладили доступ к железомарганцевым конкрециям на дне океана, миллионами тонн выдираем торф из сибирских трясин. И все это уже далеко не первый год. И вы всерьез думаете, что при таких масштабах я могу помнить, откуда взялся оригинал вот этого несчастного пистолетика?

– Что значит оригинал? – не удержавшись, встрял Рощин.

– В энциклопедии на букву «О» посмотрите – там все написано достаточно подробно и простенько. В расчете на дебилов. Вы, надеюсь, все поймете.

– Считайте, что посмотрел. И «оригинала пистолета» там не нашел.

– Конечно, не найдете – там такого нет. Вы можете копии делать только текста с бумаги, а я могу копировать все – дайте только шаблон и сырье. Мой ксерокс вашим не чета – ему любой предмет по зубам. Ваши технологии и близко к подобному еще не подобрались. Максимум – могут делать бронзовый макет копируемого предмета. Ни о какой внутренней структуре или полной аналогии не может быть и речи. Вам до такой технологии еще не один век расти.

Грищенко, недовольно покосившись на Рощина, перехватил инициативу в свои руки:

– Так вы признаетесь, что замешаны в многочисленных нападениях на военные объекты с целью хищения вооружения?

– Да, признаюсь. Давайте ручку – все подпишу. Будете гордиться моим корявым автографом. Жаль, что недолго.

– Расскажите об остальных членах вашей группы. Сколько их? Фамилии и адреса.

– Сколько? Всего у нас сейчас около шестидесяти серьезно посвященных и еще человек четыреста, которые не знают всего, вроде тех же операторов «глаз». Есть еще сотни три

помощников, используемых почти втемную, – знают лишь о мелочах. Ну и свинок у нас миллионов четыреста.

– Не понял?

– А чего тут непонятного? Шестьдесят человек посвящены почти во все, четыреста помощников и опытных техников, сотни три разного сброда, занимающегося сбором информации, составлением алгоритмов обучения и прочими мелочами, и около четырехсот миллионов свинок. – Последнюю цифру задержанный произнес с огромным удовольствием, явно смакуя. – Я вообще-то хотел довести их число до шестисот шестидесяти шести миллионов – знаковая цифра, библейская, но вряд ли это теперь получится. Есть еще и бонус в виде разных грызунов или огненных шагателей, но мы пока не знаем их боевых возможностей. Может, они окажутся бесполезными... Вы ведь меня не отпустите сейчас, после допроса?

– А сами как думаете?

– Думаю, что нет. Раз так, то до библейского числа мне уже не добраться... Пройдет несколько часов – и свинки потянутся к порталным тупикам. Первым умрет Гриша, если уже не умер, потом... потом умрет человечество... Это будет кардинальная санация планеты. Уничтожение... Свинки тоже потери понесут – без этого не обойтись. Не добраться мне теперь до шестисот шестидесяти шести... Гришу тоже жалко – светлая голова. Без него бы всего этого не было. Но он слишком наивен и много ошибается – оставлять его сейчас нельзя... Не туда его заносит... не туда... Вредно для дела... Да и побаиваюсь я его временами – с ним что-то не то. Со всеми, кто слишком много работал с артефактами, что-то не то... Но с ним особенно. Сильное воздействие на психику, а может, и не только на психику. Мне иногда страшно – я ведь тоже слышу голоса. И вижу знаки... Но я сопротивляюсь этому, а он нет. Он почти безумен! И безумен искусственно!

– Махров! Еще раз повторяю – не стройте из себя дурака. Отвечайте по существу. Фамилии и адреса. И адреса мест, где вы держите похищенное оружие. Если вы начали сотрудничать со следствием, не останавливайтесь – это глупо. Сотрудничество вам зачтется – обещаю.

– Я? Со следствием? Сотрудничаю? Смешно. Да я здесь просто развлекаюсь. Странно, но чувствую себя почти как бог. Я ведь знаю будущее, а вы нет. Завтра я буду на вершине мира, а вы все сгниете. Интересная ситуация. Забавная. Не так ли?

В своем безумии задержанный был неподражаем – Рошин, глядя в его глаза, не замечал ничего, кроме подтверждения истинности каждого слова. Махров действительно верил во все, что говорил. Действительно полный псих. Это даже не последствия аварии – на ровном месте такое вдруг не появляется. Но у этого психа была информация. В его бреде присутствовали крохи истины. Особенно Рошина зацепило упоминание самоходной гаубицы. В российской армии воровали много и охотно, но чтобы утащить такую машину прямо с позиции на полигоне – это был нешуточный скандал. Естественно, следов не осталось. Орудие испарилось. Как испарилось все, до чего добирались хитрые руки этой удивительно неуловимой шайки.

– Махров, хватит здесь комедию ломать. Фамилии. Адреса.

– Явки и пароли, – противно прыснул задержанный. – Завтра четыреста миллионов моих свинок наведаются в гости. В гости к человечеству. Они будут повсюду – ни одного уголка не обделят вниманием. Двадцать лет мы собираем информацию по военным объектам – если и пропустили что-то, то небольшое или мелочь. Армию накроют сразу – вряд ли более одного процента боеспособных военнослужащих сумеют пережить первый день. А потом возьмутся за города – главные рассадники человеческой грязи. Города за день не уничтожить – с ними повозиться придется. Но ничего, мы ведь никуда не торопимся. Свинки придут в каждый дом, в каждую квартиру. И здесь их тоже будет немало. Придут прямо сюда и поубивают к чертям всех. Кроме меня. Я ведь избранный – они ведь за мной придут. Все, уводите меня отсюда. Устал я на вас смотреть... покойнички. Больше ничего говорить не буду. Скучно стало. Вы – унылые.

– Так мы и развеселить можем – нам это недолго.

– Чем? Пригрозите мне незабываемой ночью, проведенной в камере для гомосеков? Не смешите. Я при аварии головой ударился – мне нужен покой и ласковая медсестра. Если на мне царапина лишняя появится, представляете, какой скандал может подняться? «Украинские фашисты пытаются известного эколога и борца за сохранение дикой природы!» Ваше руководство с вами потом такое сотворит, что гомосекам и не снилось. И вообще – все, что я здесь нес, это параноидальный бред искалеченного человека.

– Слишком у вас интересный бред... – Грищенко поднял трубку внутреннего телефона: – Уведите его.

Дождавшись, когда за конвоирами закрылась дверь, повернулся к Рощину:

– Ну как?

– Похож на психа, но в этом деле он замаран по уши. Гаубицу увела та же шайка – с тем же почерком. Я могу даже номер машины дать. Он этот эпизод упоминал. Ну и остальное добро тоже.

– Что – они и танки угоняли в неведомые дали? Он ведь про них говорил?

– Бывало и такое.

– Да уж... дела у вас... Сейчас мы его до вечера помаринуем, а потом я за него серьезно возьмусь. Есть у нас тут один старичок – расколоть кокос об матрас может, дай только пару часиков и подготовленного клиента. Подготовкой займусь. Не слезем с него, пока не пойдет информация. А она пойдет.

– Мне можно будет при этом присутствовать?

Увы, в глазах Грищенко ответ прочитался еще до того, как сорвался с губ. Сотрудничество – это хорошо, но пора российскому гостю и честь знать.

– Нежелательно. Со мной – одно дело, а с дедушкой... Но я вам сообщу, если он начнет разливатьсЯ соловьем. А там, наверное, все равно россиянам его передавать придется – запрос, думаю, сделаете. Если на Украине за ним ничего серьезного нет, то он – ваш. Убийства солдат у вас же были. У нас мы можем пришить ему лишь хранение огнестрела – несерьезно.

– Не удивлен, если и на вашей земле они отметились в чем-нибудь похуже, чем хранение оружия.

– Запросто. Надо поднять инфу по пропажам вооружения – может, найдем их следы. Но каково погибает, а? Четыреста миллионов свинок. Мне многое доводилось слышать, но такое... Крут этот Махров – психиатрам очень понравится.

* * *

Игорь Анатольевич Синельников, или в прошлом просто Синий, открыв дверь, стиснул Рощина в объятиях. Дружеских, разумеется, объятиях. И хотя Рощин не видел его уже десять лет, показалось, что не прошло и дня. Изредка бывает, когда между людьми возникает чувство полного единства. Какого-то сродства, не оставляющего места для неловкости в любой ситуации. И все между ними естественно – без глупых стандартных церемоний. Можно не видеться годами, но помнить друг о друге с теплом, звоня не только чтобы поздравить с днем рождения, а и без всякого повода. «Сергея! Вечер добрый! Я тут футбол посмотреть решил, но как глянул на игру, от ужаса полез за водкой. Первую рюмаху уже накатил за упокой этих педерастов, что в чистом поле всей толпой мяч найти не могут, а вторую – за твое здоровье пью. Если у тебя что-то есть, а у тебя не может не быть, наливай и себе – чокнемся о трубки. Мы ведь не алкаши сам-на-сам пить?!» Вот так и жили старые друзья – их разделяли границы и тысячи километров, но ощущения разлуки не было. Они не просто поддерживали связь – они оставались вместе.

Но встрече все же были рады безумно.

– Пусти! Отожрался на хохляцком сале, боров! Ребра же трещат! Да и соседи могут увидеть – представляешь, что о тебе подумают?

– Уж соседи меня за педика точно не примут – я ведь о-го-го! От меня не успевают жен, дочерей и даже бабушек прятать! Ведь если найду – то все, не уйдет.

– Десять лет тебя не видел, а врешь все так же. От тебя не то что бабушки сбегут – даже жена ушла. С немцем своим.

– Не ушла она – отпустил! Практически выгнал! Не путай! Освободила мне душу – теперь могу заниматься облагораживанием местной генетики без малейших угрызений совести! Заходи давай, чего стесняешься, будто монашка на панели!

– Да ведь ты сам не пускаешь – небось не хочешь кормить. Не зря про вас, хохлов, говорят, что вы жадные: сам теперь убедился!

– Проходи, сейчас я тебе докажу всю глубину твоих русофильских заблуждений. Ничего для тебя не пожалел – горбушку черствого черного хлеба уже от плесени отчистил, кильку в томатном соусе тоже открыл. Но только ты ее много не ешь – на завтра еще надо оставить.

– Сам ею давись, – уже разуваясь, хмыкнул Роцин. – У меня корюшка есть – полсумки. Не какая-нибудь питерская, в балтийской моче выловленная. Настоящая – дальневосточная, икрная. Йодом отдает – все как положено. Ты, кстати, обещал мне какое-то уникальное пиво. Только мне много нельзя – завтра в СБУ ваше топать опять, неохота туда с термоядерным выхлопом приходить.

– Ха! СБУ? Знаешь, для чего там, на входе, охрана стоит? Чтобы не пропускать бродячих животных и тех, кто без перегара туда ломится. Так что мы сейчас будем доходить до кондиции всерьез – готовься.

Ни Роцин, ни Синельников алкоголиками не были, несмотря на армейское настоящее первого и прошлое второго. Употребляли, конечно, но очень аккуратно и только с поводом. В жизни Синего, правда, был период, когда он пил помногу и что угодно. Было это давненько, еще в армейские его годы. В принципе в том месте, куда он тогда попал, не пить было невозможно. Хорошо, что это не вошло в привычку на всю оставшуюся жизнь. Ну а с Роциным вообще все просто – с его службой квасить можно начинать, лишь получив генеральские погоны. Раньше нежелательно – чревато. Так что весь диалог друзей был не более чем исконно русским ритуалом завышения своих возможностей и намерений.

Хотя повод сегодня был. Причем неслабый: десять лет не виделись.

Квартира у Синего была маленькой, однокомнатной. Относительно чистая и неплохо обставленная, но женской руки в ней не ощущалось. И вообще единственный след слабой половины человечества, обнаруженный Роциным, – это кружевные трусы (приличного размера), явно не первый день сохнувшие на трубе в ванной. Умывшись, Сергей, вытирая руки, через дверь крикнул:

– Синий, у тебя тут какой-то любовник свои трусы забыл. Размер явно не твой – под пышный зад. Не знал, что тебе толстенские парни нравятся.

– Хватит подкалывать, кацап-фетишист! Выдвигайся сюда! Я тут уже третий час слюной истекаю!

На столике, для такого случая поставленного в центр комнаты, Роцин не обнаружил обещанного черствого хлеба и кильки, удушенной в томатном соусе. Зато здесь было множество других, истинно мужских блюд. Сало соленое и копченое в глубокой тарелке присыпано ледком, небрежно порезанная колбаса двух сортов, огромная тарелка салата, банка оливок и куча других мелочей вроде кетчупа и горчицы. Главное украшение стола – целый противень отбивных. Ну и без спиртного не обошлось – запотевшая поллитровка водочки и пяток бутылочек обещанного пивка.

Печень нехорошо насторожилась: плохое сочетание.

– К тебе должен в гости прийти табор цыганской родни? – уточнил Рошин. – Если нет, то дело плохо – мы же это за неделю не прикончим.

– Ха! Неделю? Да не нервничай – в морозилке у меня еще снаряды есть. Под такую закуску можно по ведру легко выдуть, и утром будешь как свежий огурчик. Ну или малосольный. Я тут на днях курил на балконе и слышал, как внизу молодежь больная стонет. Выпили, мол, вчера на четверых три пузыря, и им теперь плохо очень. Водка, мол, паленая попалась. Морально и физически опущенное поколение – закусывать водку жареным картоном и запивать газировкой, после чего наивно верить, что утро у тебя будет добрым.

– Картоном?

– Ну, этими... как их. Во! Чипсами! Мать твою – ты что, болтать сюда пришел, или как? Ну, давай тяпнем – за встречу!

Водка была не ледяная – холодная как раз в ту меру, когда ощущается вкус, но отврат еще не вызывается. Занюхав хлебом, Рошин наворачнул салата и потянулся за отбивной.

– Наша водка, хохляцкая, – жуя, сообщил Синий. – Это тебе не российская сивуха, из опилок выгнанная. Радуйся, кацап, – где бы ты еще настоящей водки попил.

Синельников был таким же украинцем, как Рошин египтянином. Родился, правда, в Украине, здесь, в Крыму. Но еще в нежном возрасте был отсюда вывезен вслед за отцом – тот, будучи военным, постоянно кочевал по тогда еще единой стране. Рошин был больше украинцем, чем он, – благодаря матери, что родом из Тернопольской области. Так что показной национализм Игоря был столь же шуточным, как и большинство подколов в их диалоге.

– Спасибо пану, бедное российское быдло твою милость не забудет: лежа под забором, воздавать тебе хвалу буду. Игорь, как тебе здесь – не тесновато? Не жалеешь, что из двушки съехал?

– Жениться я больше не собираюсь – так на фи́га мне двушка? В два раза больше уборки. Плюс завтра на тачку глянешь, что за доплату взял, – тебе, пан нищий офицер, такая и не светит.

– Ничего – дотяну до генерала, выкуплю ее у тебя: для личного дворника сойдет.

– Ха! Сережа! Ну не смейся! До генерала! Язык у тебя не шершавый и очко неразработанное – не светят тебе генеральские лампасы при таких раскладах! Так что и не мечтай. И вообще – дергай ты давай оттуда. Хватит в солдатиков играть: набегался уже, не маленький. Пенсия у тебя армейская будет – не пропадешь. Я вот ушел и ни разу еще не пожалел. Надо жить в свое удовольствие. Ты что, жрать сюда пришел? В России вообще кормить перестали? Пора по второй. Пей, кацапчик, покуда пан добрый. Давай – за нашу искреннюю и великую дружбу! Чтоб мы пореже били друг другу морды, чтоб ты почаще давал в долг и мы вообще были не разлей вода!

Вторая пошла еще лучше первой – здоровенные мужики поспешно уполовинили салат, заедая щедрые порции горячего.

– Помидорчики местные, первые, – проинформировал Синий. – Не Турция какая-нибудь магазинная. Ох и хороши! Серега, а ты как – надолго к нам?

– А что?

– Да мне же надо тебе культпрограмму организовать. Море само собой, бабы разнообразные, шашлычок можно легко устроить на диком пляже. Да много чего можно – вопрос сроков.

– Да я и сам не знаю. Дело слишком мутное, и не Россия здесь – трудновато приходится. Завтра, думаю, решать вопрос будем.

– Что же тут случилось, раз ты соизволил сам приехать? У нас тут не Россия, у нас тишина и благодать: муха прожужжит – уже происшествие значительное. Но тебя ведь по мелочам гонять не стали бы?

– Извини, Игорек, если я тебе это расскажу, то вынужден буду потом придушить в туалете – ради сохранения государственной тайны.

– Все, блин, молчу! Не зря ваших долбанутых ребят порядочные бойцы глухонемыми прозвали: время у них спросить – и то не ответят! Ну что – пора наливать. А то едят.

– Не части.

– А ты на салат не налегай – чай не корова, чтобы за траву так трястись! Для кого я над отбивными полдня корячился?! Вот их и лопай – под них как раз ведро и пойдет легко. Сто лет его не видел, а он – «не части»! Обидеть норовишь...

Бутылка ушла быстро – под хорошую закуску и сумбурный разговор, перемежаемый подколками. На второй бутылке разговор пошел уже нормальный – вдумчивый, без натужного юмора. Мужчины не стали обсуждать своей личной жизни – оба давно холостякут, все у них одинаково, разве что Синего начальство не гоняет, будто мальчика, через всю страну. Знакомым косточки тоже не особо перемывали – только пару раз вспоминали сослуживцев, раскиданных жизнью по всему шару. Зато охотно обсудили разнообразные политико-экономические явления, касающиеся их стран. При этом пришли к единому мнению: наверх пробралось слишком много морально-физиологических уродов и откровенной голубизны, и пока их не перевешают на фонарях, порядка не будет.

На третьей бутылке Синий стал намекать, что вешать или расстреливать можно начинать прямо сейчас. Ведь оба они офицеры, причем Роцин действующий – ему все карты в руки.

В начале четвертой бутылки Синий, развивая тему расстрелов, вспомнил, что Роцин не простой офицер – он служит в ведомстве, занимающемся ядерным вооружением. Этот факт существенно облегчит любое мероприятие по зачистке правящей верхушки. Игорь, уже легонько запинаясь, заявил, что если на Киев сбросить крупнокалиберную бомбу, то невиноватые при этом не пострадают. Там, мол, все давно прогнило и подготовлено к выжиганию термоядерной плазмой. Роцин, несмотря на то что «устал с дороги», моментально насторожился и поспешил перевести разговор в другое русло: «во избежание».

Поговорили о футболе. Потом о работе (Игоря работе). О бабах тоже поговорили. Даже промелькнула мысль их найти, причем немедленно. Но как-то сама собой угасла.

Салат прикончили давно, но отбивные еще оставались, как и куча закуски попроще. Роцин, допив последнюю рюмку, прикинул диспозицию и понял – хватит. Не такие уж они алкаши, чтобы четвертую бутылку добивать: завтра об этом могут пожалеть. Он и так маху дал – чуть ли не литр в себя употребил. Что бы ни говорил Синий про ведро – сказки все это. Хорошо бы до утра хоть немного проспать. Хватит, пора заканчивать.

Роцин, неуверенно закинув в рот оливку, попросил высшие силы, чтобы раньше полудня его никто не беспокоил. Встанет-то он с утра как огурчик – не пацан ведь с газировкой на закуску, проверено. Но уж очень не хотелось светиться в СБУ с таким жутким перегаром.

Небрежно умылся. Стараясь не разбрасывать деталей гардероба, разделся. Упал на диван. Отрубился.

До начала стадии «Шок» оставалось четыре с половиной часа.

Глава 3

Доктор сказал, что во время пребывания в стационаре я не смогу реализовывать свои планы по завоеванию Вселенной.

Жалкий наивный раб...

Авторство, к счастью, неизвестно.

На «старые дрожжи» пиво легло недурственно – Тоха дрых чистым сном невинного младенца. Хорошо хоть до койки сегодня сумел добраться – не пришлось опять на линолеуме отлеживаться. В «трапезной», как и положено дегенерату, оглушительно храпел Лысый, в комнатке наверху равномерно поскрипывали пружины – там залег Олег со своей Алкой. Ложе Паши пустовало, да и Наташка отсутствовала – они нашли себе уютный уголок прямо на берегу, неподалеку от пансионатского пляжа. В своем пустом домике тихо спала психованная Юлька. Завтра подъедут ее родители, а пока что ночь коротать девушке придется в одиночку: к такой не то что парень – гадюка побоится ночью заглядывать.

Рощин устроился на диване. Алкоголь приятным теплом разливался по организму, сон полковника был глубоким и правильным. Завтра он встанет почти как трезвенник – только перегар и глаза могут выдать тайну вечерних возлияний. И, возможно, завтра он все же разберется с этим в высшей степени странным делом. Пусть с одним задержанным не слишком пока везло, но ведь имеется второй – рано или поздно врачи к нему следователей допустят. И тогда, вполне вероятно, Рощин подберется на шаг ближе к генеральским лампасам.

Синельников Игорь, или просто Синий, про службу вообще не думал. С этим давно покончено – вольная птица. Он ведь уже не в армии: службу несет в частном охранном агентстве. По сути, простой сторож или, в лучшем случае, мелкий начальник над сторожами. И хватит ему – большего не надо. Живет у моря, крыша над головой есть, офицерская пенсия капает, не голодает, женщинам нравится – зачем ему желать большего? Хорошо бы так и провести остаток жизни и умереть не дряхлой развалиной, а еще крепким мужиком. Идеальный вариант, если сердце прихватит на какой-нибудь отдыхающей барышне, соблазненной нахрапом чуть ли не на глазах лося-мужа. Нравился Синему такой экстрим.

Вместе с Синим спала вся его страна, а вот в стране Рощина и Тохи сейчас почивала лишь западная ее часть – до восточной уже успело добраться солнце. Но этой ночью спали здесь, конечно, не все. Шахтеры ночных смен выдавали на-гора уголь, бодрствовали энергетики и милиционеры, проститутки и машинисты поездов, таксисты и продавцы круглосуточных магазинов. Многие воры тоже не валялись на кроватях. И вообще немало нечестных людей бодрствовало. В принципе по ночам это обычное явление – разнообразные преступные личности традиционно обожают это время суток. Но сегодня в их компании прибавка – появились новые лица. Таких здесь еще не видели. Они пренебрегли сном не с целью совершения кражи со взломом и не ради гоп-стопа в темном переулке. Они торопливо заботились о своих шкурах, но платить за это заставляли других.

Спасая свой маленький мирок, они убивали все, что находится за его границами.

Пальцы порхали по клавиатурам, целиком выделяя бесконечные листы точных координат заранее высчитанных точек. Программа была несовершенна – требовалась масса мелких и серьезных доработок, но времени на них уже не было. Листать вручную, выделять вручную и не забывать в конце кликать мышью по серому прямоугольнику с простой надписью: «Активировать».

– У меня все. Триста тридцатый – четыреста десятый активированы.

– Листы с первого по сто десятый активированы.

– Сто одиннадцатый – двести двадцатый активированы.
– Двести двадцатый – триста тридцатый готово.
– Мы успели?
– Вроде да. Что там с запасными генераторами? С таким делами нас может отрубить в любой момент, а корабельный канал дает иногда сбои.
– Запускают. Заминка там, но минут через пять все будет как надо.
– Махров, зараза... Как же так вышло... И где главный?!

– Да какая теперь разница... Все – закрыть порты теперь можно лишь с той стороны, да и то ненадолго. А мы вообще теперь ничего сделать не сможем без Эдика или Гриши...
– Наши ведь даже еще не все здесь!
– Царство им небесное... Все, кто не успел, тот опоздал... Первая фаза началась.

Все начиналось сумбурно, но вполне логично. Несмотря на панику, сотрудники пока что могли рассуждать относительно здраво и вели себя как нормальные люди.
И так продолжалось до тех пор, пока в операторский зал не вошел ОН.
И вошел не один.

* * *

Июньская ночь тепла, но под утро все же похолодало – лейтенант дорожной инспекции, пряча руки в карманы, начал подумывать, что пора бы перебираться в машину – подремать полчасика. Ночка выдалась так себе – чуть ли не в убыток. И вроде бы место хорошее, не сильно засвеченное, но крупной дичи не попало. Водители редких автомашин, видимо, все были ортодоксальными мусульманами: ни одного пьяного или даже с намеком на алкоголь. Парочку, правда, раскрутить на «штраф мимо кассы» удалось, но это несерьезно – копейки. Причем копейки рискованные – из-за мелочей в эти жестокие времена можно заработать крупные неприятности. Раньше было проще, а сейчас выкручивайся как знаешь... Вот и мечтал служивый о крупной дичи, но трясущийся алкоголик на лимузине, набитом баксами, идти в сети не желал.

Небо на сереющем востоке озарилось вспышкой, затем целая серия всполохов прошла на юге. Гроза, что ли, приближается? Да какая разница: все – пора прятаться в машину. И напарника надо растолкать – пусть этот крендель постоит, теперь его очередь.

Лейтенант уже развернулся, но вынужден был остановить свой порыв: за спиной загудел двигатель мощной машины и что-то странно залягало. Фура едет? Бензовоз с волочашейся по асфальту цепью? Полусонный мозг другие идеи выдавать отказался. В любом случае большегрузному транспорту здесь делать нечего – запрещено ему по этой улице гонять. Пусть это и не лимузин с грузом американской валюты, но хоть что-нибудь с него поиметь надо. С паршивой овцы...

Звук приближался – эхо раскатов мощного двигателя загуляло меж темных громадин спящих панельных девятиэтажек. Нарастал и странный лягз, но походил он вовсе не на звон цепи заземления. Для центральной части города звук нетипичный – это ведь явный шум от гусениц. Гусеничной технике строго запрещено ездить по асфальтированным магистралям: ее положено перевозить к месту работ колесным транспортом.

Непорядок...

Надо сказать, с подобным нарушением лейтенант столкнулся впервые. Не было еще в его работе случаев задержания тяжелых бульдозеров, или что там вдали так громыхает. Но все когда-нибудь происходит в первый раз. Он к этому готов. Он разберется.

Первый нарушитель вырвался на простор перекрестка – из-за угла выползла продолговатая носатая туша бронетранспортера. На броне боевой машины, втягивая головы в плечи и уставившись в небеса стволами автоматов, съезжились фигурки солдат.

Город, в котором жил и работал лейтенант, был абсолютно штатским. В нем не имелось воинских частей или военных училищ. Были, конечно, военкоматы, – но там боевой техники не держат. Ввиду этого лейтенанту не приходилось сталкиваться с нарушителями на бронетранспортерах, и он был морально не готов к такому событию, из-за чего в первые мгновения сильно растерялся.

БТР на месте не стоял – успел почти поравняться с затаившейся в засаде машиной. Мозг служивого был еще парализован, но рефлексy не подвели – тело, независимо от сознания, начало действовать. Свисток, взмах жезла. А в голове между тем плохие мысли. Слишком мрачно сидят солдатики. Будто не родные пацаны, а фашистские оккупанты пожаловали.

Откуда же они вообще здесь взялись?!

Свет фонаря в удачном ракурсе показал лейтенанту подробности. В подреберье его вдруг образовалась неприятная пустота: солдатики были в противогазах. Да и не солдатики – бомжи какие-то сутулые, в пуховики кутающиеся.

Что за?!

Бронетранспортер на призыв остановиться никак не отреагировал – так и прокатил мимо. Один из «бомжей» при этом лениво опустил автомат, выдал длинную очередь, завершившую дежурство лейтенанта на печальной ноте. Пули, швырнув его на асфальт, выбили из груди весь воздух. Ему не было больно, но очень хотелось вновь наполнить легкие кислородом. Дышать хотелось. Но не мог – израненное тело не слушалось. Рот хватал прохладный утренний воздух крупными глотками, но вот протолкнуть его в горло уже не получалось.

Занятый проблемами дыхания, умирающий лейтенант больше ничего не видел и не хотел видеть. Оно и к лучшему. Он не заметил, как показалась та самая лязгающая гусеницами громадина. Не увидел, как она раскатала в деформированный блин служебную машину. И когда траки вмяли в асфальт его тело, он этого уже не почувствовал.

На перекрестке остались куча железного хлама, пропитанного мясokостной массой, оставшейся от спящего напарника, и неприглядные останки лейтенанта, подсвечиваемые выпавшим жезлом. Бронетранспортер и танк поехали дальше как ни в чем не бывало – торопились по своим делам.

Номер на бронетранспортере для знающих людей мог подсказать немало интересного. В частности, тот факт, что эта боевая машина несколько лет назад была странным образом угнана из воинской части. С танком все обстояло аналогично – лишь часть другая. Так что скромная колонна состояла сплошь из единиц похищенной техники и подлежала задержанию на первом же посту. С арестом экипажей.

Но в экипажах никто по этому поводу не волновался. Да и волноваться не о чем – если подвернется пост, то проблемы будут у поста, а не у них.

* * *

Егорычу уже перевалило за семьдесят, но мало кто в это верил. Слишком бойкий он для таких солидных лет. И слишком нездоровый образ жизни ведет. Курит, как кочегар перед расстрелом, и от выпить никогда не отказывается. И вообще – на это серьезное дело и без собутельников способен легко решиться, а уж пьет так, что не всякий молодой угонится за ним.

А уж как изобретателен...

Стариковский сон – не юношеский: много сложностей. Вот и сегодня – честные люди еще спят, а Егорыч уже со стонами и оханьем носится по дому. И там у него болит, и еще где-то ноет, и вообще, похоже, везде нелады начались. Старуха, которая по тем же причинам уже не первый год спала одним глазом, добавила своего бурчания. Привычно обвинила деда в злостном алкоголизме, тунеядстве и предсказала его скорую кончину в грязной канаве под

деревянным забором. Рутинно поругавшись в ответ, Егорыч удалился в гараж копаться в своих железяках – лишь бы подальше от ее хронических упреков.

Руки по части механики у Егорыча бриллиантовые, но в этот темный час он пошел не в мотоцикле внука возиться. Потерпит внук – негоже в такую воровскую пору честными делами заниматься. А вот бражка терпеть не станет – давненько уже отбродила, но перегнать никак не получается. Старуха проклятая все планы нарушила – ведь должна была на целый день к сестре запропасться. Ан нет – не вышло. Придется действовать при ней – партизанскими методами. Она, правда, в гараж соваться не любит, но риск все равно имеется.

Будь что будет – нет мочи терпеть.

Бражку перелил в старый бидон, переоборудованный под нужды самогонварения. Ковшик, правда, оставил: похлебают, дожидаясь первача. Мощный ТЭН¹⁰ не подвел – алюминиевый бок бидона начал нагреваться на глазах. Скоро, очень скоро закипит. Момент невероятно ответственный – надо будет при этом быстро подкрутить регулятор почти до минимума, иначе беда.

В ожидании этого приятного мига Егорыч, присев у раскрытых ворот, курил крепкие папиросы, запивая это вредное дело прохладной бражкой из эмалированного ковшика. Небо на востоке уже начало сереть – скоро он встретит рассвет. И если все пройдет нормально, встретит его хорошо: поприветствует граненой рюмочкой чистейшего первача. Дело нужное – с утра ведь если выпил, то весь день свободный.

Раньше рассвет был лучше. Солнце, поднимаясь над забором, ярко освещало внутренности гаража. Сейчас не освещает. Сосед, чтоб он сгнил, паразит, перекрыл доступ. Баню какую-то себе мастерить начал. У всех людей бани как бани, а у него целая контора в два этажа. Словно он там парить вениками собрался, или как? А что – запросто. Этот новый сосед на все способен. Перекопал половину улицы, а зарыл кое-как. Начал дом строить, да так и остановился на коробке – никакой отделки. Вместо отделки вдруг баней занялся. Денег у человека много, а вот ума – наоборот. Да и не сам руки пачкает: работников нанимает. И работники такие, что в них даже плевать не хочется, – плевок для таких будто честь. Предлагали же ему поселковые мужики все чик-чик сделать, по-соседски, не затягивая и не обдирая как липку. Нет, носом завертел – дескать, цены у них несусветные, он, мол, в пять раз подешевле найдет в городе. Ну и нашел – второй год на его земле непонятная помесь свинарника и болота. Народ от мала до велика посмеивается над его глупой экономией. В доме еще ни дня не прожил, а у него уже стену повело. Да и баню недоделанную уже парой швеллеров подпирать пришлось по углам. Это даже не брак вышел – полное убожество. Землица-то местная с сюрпризами – фундамент надо аккуратно ставить и правильно. Потом ведь не переделаешь.

Внутренности недостроенной бани осветились ярким всполохом. Это что за дела? Неужто соседские гастарбайтеры во славу великой Молдавии до рассвета поднялись, взявшись за сварку? В жизни про них такое не подумаешь. Да и сварка какая-то очень уж странная – пару раз сверкнула как положено, а потом засияла ярко, ровно, без малейшего перемигивания.

А потом загудел мотор.

Егорыч в моторах соображал – и сразу понял, что это не «ауди» соседская, и не «газель» грузовая с его ленивыми работничками. На трактор похоже. На серьезный трактор. А если точнее – на танк.

Многострадальная стена бани дрогнула, выгнулась наружу, опала, рассыпавшись на блоки, действительно выпустив из недр постройки самый настоящий танк. И как он там помещался – мать его во все люки?! У Егорыча изо рта папироска выпала. Танк, весело взревев двигателем, смял временку для рабочих, развернулся на ее обломках, рванул на улицу, проделав брешь в бетонном заборе. Из бани вслед за ним выехал бронетранспортер, облепленный

¹⁰ ТЭН – трубчатый электронагреватель.

солдатами, будто дерьмо мухами, двинулся дальше по проторенному пути. Следом показался еще один, а завершила странную процессию самоходная гаубица большого калибра. Тоже на танк похожа, особенно если издали смотреть или в технике не разбираться, и тоже солдатами облеплена.

Баня, не выдержав столь жутких надругательств, завалилась окончательно, сложившись, будто карточный домик. На ее руинах завис огромный светящийся шар – действительно будто электросварка, только слишком уж здоровенная. Да и свечение опадало на глазах – шар тускнел, съеживался, в конце, противно прошипев, растаял бесследно.

Егорыч встал, приподнялся на цыпочки, успел увидеть, как замыкающая машина разворачивается на перекрестке. Похоже, пошли в сторону воинской части, что на окраине. Дело правильное – куда же еще солдатам податься. Да какое, к вонючим чертям, правильное дело?! Как они там, в баньке, помещались?! Друг на дружке в четыре этажа стояли?! И как вообще туда попали?!

Старик покосился на ковшик с бражкой. Так. Спокойно. Вчера он почти не пил. Не может быть, чтобы от простой бражки ему такое чудо померещиться могло. Ерунда – не бывает такой «белочки». Да и баня вон – развалины одни. Все верно. Глаза его не обманывают.

На шум выбралась старуха, с порога уставившись на деда колючим взглядом, в котором легко читалось нешуточное подозрение. Егорыч, указав на соседский участок, поспешил ее проинформировать:

– Старая! Из бани этого дурака только что куча бронетехники выехала! Во дела!

Верная супруга ничего не ответила, лишь сокрушенно покачала головой, после чего, шаркая старыми шлепанцами, направилась напрямик в гараж. Там она уже через пару мгновений составила картину места преступления и торжествующе-обличительно завела свою нескончаемую шарманку:

– И когда ж ты, ирод, наконец сдохнешь! Сил моих больше нет это убожество терпеть! С каждым годом все хуже и хуже! Самогон твой давно уже кипит! Брага хлещет напрямик в банку! Взорвать нас решил, дурень старый! Чтоб ты вусмерть упился и больше я тебя не видела! Жизни моей отравитель!

Егорыч старуху не слушал. Стоя в позе «насторожившийся суслик у норки», он смотрел вдаль. Куда-то туда ушли странные боевые машины, развалившие соседскую баню. Старик будто ждал чего-то.

Дождлся – густо затрещало, забухало, громыхнуло.

– Наталья, пошли-ка в погреб. От греха подальше. Не знаю я, что тут за дела начались, но похоже на войну какую-то.

* * *

– Дежурный по штабу прапорщик Павленко. Слушаю.

– Тебя-то нам и не хватает, противный. Бери свою личную смазку и быстрее тащи свою попochку к нам – тут весело, но такой попки, как у тебя, цыпленочек, ни у кого нет.

Павленко даже не стал материться в ответ – устало повесил трубку. Смысл одноклеточным отвечать? Разбить бы телефон и выдернуть провод из стены. Эту звенелку специально поставили – чтобы солдаты в самоходе перед шалавами цирк устраивали, показывая, какие они крутые. Ни дисциплины, ни ума, ни фантазии. С каждым новым призывом градус дебилизма крепчает. Как от подобных низших существ добиться порядка? Эта страна на грани катастрофы – даже по штабу вынужден дежурить прапорщик. Это знак – здесь больше не осталось нормальных сержантов. Если ничего не изменится, лет через пять служить будут растительные организмы, ходящие под себя.

Дежурство по штабу у Павленко совмещено с дежурством по КПП. А спать не хочется. Это очень плохо. Из-за этого ему скучно. И разные уроды звонками достают. Книжку попробовать дочитать?

Обложка у нее красивая, но в остальном просто тихий ужас. В ней, кстати, в первой главе тоже фигурирует дежурный по штабу. При этом у него в подчинении зачем-то находятся два автоматчика. В бронежилетах, при касках и гранатах. Писатель, наверное, собирался посылать своего героя брать Берлин, но потом про свой первоначальный замысел позабыл и оставил дежурным – при гранатах, автоматчиках-каратистах, штык-ножах (которые салаги умели метать с ловкостью японских ниндзя). А еще у них там, на стене, висел плакат с голой бабой. Прямо в штабе висел – видимо, вместо портрета Ленина в девяносто первом приспособили и забыли поменять на фото Путина, или что-нибудь еще в таком роде. И никто на дежурстве вообще не спал – все дружно мучительно боролись со сном. Видимо, собрались мазохисты. А еще все это спецназовское действо происходило в кадрированной дивизии, охранявшей склад с секретным химическим оружием. Уже весело. Писателя бы туда дежурить поставить. Всю ночь бы с этими автоматчиками ту бабу от стены они бы отдирали. А если бы не успели до утра этого проделать – отодрали бы уже их. По полной отодрали. И не выдавал бы потом такие шедевральные перлы, как «часовой по узлу связи» или «возимый НЗ из шести противозеро-летных мин на минном заградителе БМР-3»¹¹.

Жаль, бумага у книжонки некомфортная – иначе бы точно «прочитал» от корки до корки.

Опять зазвонил телефон. Павленко, брезгливо посмотрев на проклятый аппарат, решил, что, пожалуй, стоит ответить. Все равно ведь скучно.

– Дежурный по штабу прапорщик Павленко. Спать не хочу – бессонница. Так что звонить с целью разбудить бесполезно – бодрствую. А еще я обязательно вычислю, кто это делает. И когда вычислю, этот «кто-то» у меня окажется на роли белого ишака в армянском высокогорном ауле. И роль эту будет отыгрывать прямо здесь, а не в «Мосфильме». Готовься, моя сладкая: прямо сейчас пойду выяснять, кто отсутствует.

По причине летней поры форточки в штабе не закрывались даже ночью, и прапорщик прекрасно расслышал подозрительный шум – к части приближались машины. Не легковушки – похоже на тяжелые грузовики или даже бронетехнику. Гостей сегодня никто не ждал – непорядок.

Павленко выключил свет, подошел к окну – из темной комнаты теперь можно хорошо разглядеть окрестности. Прапорщика будто ждали – в тот же миг бетонная стена вспучилась, расступилась, пропустив на территорию части танк. Следом влетел БТР, не снижая скорости, плюнул очередь из крупнокалиберного пулемета. Где-то зазвенели стекла и заискрила заколоченная проводка. Из-за стены полыхнула вспышка оружейного выстрела, следом оглушительно рвануло в районе казарм.

Прапорщик рухнул на пол, откатился к стене. У него не было боевого опыта, но инстинктивные действия оказались верными – стекло разлетелось, осколки расщепили дверь, застучали по стенам, но дежурного не задела. Добравшись до стола, он стащил телефонный аппарат, едва не грохнув его об пол. Подсвечивая крохотным фонариком-брелоком, набрал номер, поднес трубку к уху. Гудка не было.

Связь – ему нужна связь! Надо срочно сообщить... Стоп! Кому сообщать? В военном городке только глухой не слышит, что здесь сейчас происходит. На улице, судя по нехорошим звукам, работают автоматические пушки и крупнокалиберные пулеметы минимум четырех машин. И автоматы им поддакивают. А еще танк имеется. И еще неизвестная машина, что красиво пульнула из-за стены. Возможно, артиллерийская установка или второй танк. А у них солдаты по казармам спят, офицеры по квартирам. Склады закрыты и опечатаны, военная

¹¹ БМР-3 – бронированная машина разминирования.

техника стоит без боеприпасов, оружия у солдат нет – только автоматы у часовых. Причем не у всех часовых имеются патроны – из-за местных особенностей. Стоп, опять он не о том. Какие на хрен боеприпасы?! Он что – воевать собрался?! Хотя не он – они. Гости неожиданные. На улице ведь настоящая война. На часть напали, и напали очень серьезно. Эти ребята не склад ограбить приехали, все гораздо серьезнее – в их тихом углу такого быть не может.

В следующий миг в штаб ударил гаубичный снаряд.

Когда оглушенный Павленко выбрался из руин здания, его хладнокровно добились солдаты, высадившиеся с «брони». На солдат, если быть точным, эти ребята походили мало – несмотря на летнюю пору, облачены в пуховики с поднятыми воротниками и ватные штаны. На головах противогазы, поверх резины натянуты дешевые вязаные шапочки. Объемные карманы простеньких разгрузок туго набиты снаряженными магазинами – им сегодня придется много стрелять.

На территории части находились сотни солдат и офицеров. В прилегающем военном городке тоже хватало военнослужащих. У нападавших было четыре бронетранспортера, танк, самоходная гаубица и пятьдесят восемь пехотинцев, вооруженных автоматами и ручными пулеметами. Соотношение сил слишком неравное – у обороняющихся почти в двадцать раз больше живой силы, а разнообразной боевой техники побольше раз в тридцать. Однако вояки не оказали вообще никакого сопротивления – часть была наголову разгромлена в первые же минуты, не нанеся потерь противнику.

А как наносить? Это у пограничников можно за минуту поднять в ружье заставу, а попробуй поднять неполный полк, размещенный вдали от границы или «горячих точек». С оружием в эту ночь было лишь несколько солдат и офицеров. Героев-самоубийц среди них не нашлось: все они, как и их безоружные коллеги, драпали куда глаза глядят – лишь бы подальше от этих неприятностей. Да и что они могли со своими автоматами и пистолетами поделать против бронетехники? Противотанкового оружия хватало, вот только добраться до него при столь неожиданном нападении очень проблематично. Заводить свою технику тоже бессмысленно – в машинах нет боекомплектов, их надо брать на складах, на глазах у нападающих. Вряд ли они это позволят сделать.

Вертолетный полк, находившийся неподалеку, тоже себя никак не проявил. На него напала группа из двух танков, восьми бронетранспортеров, самоходной зенитной установки и четырех грузовиков с пехотой.

Нападающие опасались авиации и поэтому направили сюда усиленный отряд. Зря беспокоились: хватило бы и половины. Ни один боевой вертолет даже не попытался подняться в воздух. Да и не успел бы. А поднялся – не смог бы нанести урона. Не было в машинах боекомплектов – опять же в складах все хранится.

На другую часть напали и вовсе изнутри. В одном из боксов вылетели ворота, впуская на закрытую территорию боевую технику и автоматчиков. Несмотря на странный способ нападения (откуда они взялись в опечатанном боксе, да еще и в таких количествах?!), здесь нападающие понесли первые потери – один из часовых решил умереть героем. Ему вообще-то и деваться было некуда – когда все началось, он оказался в тупике. Угол длинных складов превратился в ловушку. На глазах ошалевшего паренька угрюмые сутулые боевики безнаказанно расстреливали бегущих солдат, выскакивавших из казарм в одних трусах, давили людей танками, били снарядами по складам, боксам и техническим сооружениям. Вместо того чтобы переждать беду, забившись в этот угол поплотнее, часовой открыл огонь. Он успел выпустить целый магазин, прежде чем танк устроил прощальный залп в его честь. Автоматные пули серьезно ранили двух нападающих и заделали одного из голых солдатиков.

Противник не обратил на этот булавочный укол ни малейшего внимания. В том же темпе продолжал ликвидировать воинскую часть. Больше ему никто не мешал.

* * *

Генерал-майор Роберт Даблдей в данный момент считал себя самой важной персоной в мире. Ну или находился близко к этому. Для столь одиозного вывода у него имелись веские основания. Генералов в Америке хватает, но вот властелином NORAD¹² может быть только один. И на ближайшие шесть часов этот дежурный по командному центру NORAD – Роберт Даблдей.

Штатские наивно полагают, что снижение напряженности международной обстановки, вызванное распадом Советского Союза и военного блока стран Варшавского договора, превратило NORAD в прибежище для тех, кто любит поспать на службе. Их заблуждение укрепляет тот факт, что бункер в горе Шайен законсервировали несколько лет назад, переселив его обитателей на соседнюю авиабазу. Переселение объяснили тем, что угрозы ядерного удара больше не стоит опасаться. Глупые штатские. Во-первых, на гору Шайен было наведено столько ракет с термоядерными боеголовками, что, если хоть половина их поразит цель, на этом месте возникнет отрицательная форма рельефа. Очень отрицательная. Нет такого бункера, который может спасти от современного оружия массового поражения; во-вторых, бункер не брошен: он просто законсервирован в целях экономии средств – достаточно обстановке ухудшиться, и его можно будет ввести в эксплуатацию очень быстро; в-третьих, работы у Роберта Даблдея по-прежнему много – ему не то что поспать, ему частенько кофе попить бывает некогда.

Средства наблюдения NORAD не узкоспециализированные и ориентированы не только на раннее обнаружение ракетно-авиационного удара, но и жестко контролируют воздушную обстановку на огромной площади. Баллистические и крылатые ракеты, авиационные средства доставки – все это, само собой, не должно добраться до цели незамеченным. Но этим NORAD не ограничивается – пассажирская авиация, самолеты-нарушители любых классов, от беспилотников до легкокрылых птичек, порхающих с веселым грузом марихуаны через мексиканскую границу, тоже находятся под наблюдением NORAD. Также строго контролируются морские акватории. Задача Даблдея и его подчиненных: засечь, идентифицировать и доложить тем, кто имеет право отдать приказ. Приказ задержать или уничтожить. Информация, переданная из этого командного центра, может в кратчайшие сроки привести к Армагеддону – баллистические ракеты покинут свои шахты, в воздух поднимутся бомбардировщики с ядерным оружием и зенитные ракеты со специальными боевыми частями.

Будет нанесен первый удар. Хотя скорее уже ответный – первый при таком раскладе будет за противником.

Информация поступала в командный центр в таких объемах, что ни один из сотен подчиненных Роберта Даблдея не имел возможности вздремнуть хотя бы на минутку. Штатские были неправы: NORAD оберегает небо над их головой и моря вокруг их стран. Без ведома NORAD даже Санта-Клаус¹³ не проскочит через границу. NORAD – это почти полный контроль над всей планетой. Сейчас ничто на Земле не может избежать взгляда Роберта Даблдея.

Первый «звоночек» беспокойства не вызвал – в районе расположения русской ракетной дивизии средствами спутникового наблюдения были замечены несколько вспышек. Никакого отношения к стартам баллистических ракет они не имели. Значит, не о чем беспокоиться. У русских постоянно что-то взрывается или горит. Им, похоже, это доставляет удовольствие

¹² **NORAD** (North American Aerospace Defense; старое название – North America Air Defense – Объединенная система аэрокосмической обороны США и Канады). Первоначально командование располагалось в легендарной системе бункеров в недрах горы Шайен (штат Колорадо, окрестности Колорадо-Спрингс). В июле 2006 года командование перенесено на авиабазу Петерсон.

¹³ Как ни странно, генерал прав. Начиная с 1955 года из-за случайно возникшей традиции NORAD «следит» за перемещениями саней Санта-Клауса, о чем сообщает на специальном сайте и по телефону горячей линии.

– пожар как праздник. Хоть вообще не присматривай за их позициями: сплошной вред для нервной системы.

Когда схожее явление было замечено на территории аналогичного китайского объекта, Роберт Даблдей напрягся. Не похоже, что русские и китайцы готовятся обстрелять друг друга баллистическими ракетами, но совпадение подозрительное. Их странная активность требовала объяснения.

Затем генералу пришлось объявить тревогу – на один из объектов NORAD напали. Напали абсурдно. Мало того что этот радар находится на американской земле, он еще и посреди океана располагается – на одном из Гавайских островов. Кому это безумие могло понадобиться? Хотя мало ли... Гавайский радар – важный элемент системы: он ведь наземный, а других островов в этом регионе нет. Хотя система многократно дублирована и выход из строя одного из узлов не приведет к потере контроля, но брешь получится неприятная...

Через полминуты после объявления тревоги пришли сразу два сообщения о новых нападениях. Без подробностей. Просто персонал объектов давал условный сигнал.

Затем сообщения посыпались одно за другим.

NORAD был готов к любой возможной и невозможной ситуации. Если китайские нелегальные иммигранты пронесут в страну тысячу миниатюрных плутониевых зарядов и одновременно их подорвут во всех крупных отделениях миграционной службы, до командного центра NORAD еще не дойдет сейсмическая волна, а он уже начнет действовать по заранее утвержденному плану. Аналитики изучили тысячи фантастических произведений и научных статей, посвященных инопланетному разуму: если марсиане попробуют повторить события, описанные Уэллсом, NORAD будет к этому готов и марсианам ничего не обломится. Если афганские талибы проникнут на территорию Америки, выкрадут президента и вице-президента и с помощью гипноза принудят их отдать приказ о ядерном ударе, в NORAD и на этот абсурдный случай имеется план действий.

К массовому же нападению на большую часть своих объектов NORAD был не готов. Тем более что войны не было, и никакой подготовки к столь многочисленным терактам тоже не замечалось. Нападали серьезно – персонал радара на Гавайях больше не отвечал на запросы, да и сам радар перестал выдавать информацию. Аналогичные явления наблюдались и в других местах. Элементы NORAD уничтожались в массовом порядке.

Генерал растерялся: к импровизациям его не готовили. NORAD не оставлял места для самодеятельности – предусматривалось все. Ближе всего к ситуации, по его мнению, лежал гипотетический сценарий, по которому Китай и Россия ухитряются незаметно нанести первый удар, уничтожив почти все элементы системы. Правда, в том сценарии ситуация признавалась полным поражением.

На звонок по защищенной линии президент не ответил. Гудок шел, но трубку никто не поднимал. Вице-президент тоже подозрительно помалкивал. На ладонях генерала начал выступать обильный пот. Сейчас ему очень сильно хотелось через оптику спутника взглянуть на Белый дом и здание Пентагона. К сожалению, вся мощь NORAD именно в данную минуту помочь ему с этим не могла.

Еще через минуту генералу стало не до звонков – неведомый враг напал на авиабазу Петерсон. Первые взрывы повредили систему электроснабжения. Аппаратура не отключилась, но плафоны освещения при переходе на автономное питание стали давать заметно меньше света. А еще снаружи сообщили, что нападавшие массово используют русскую бронетехнику. Даблдей, задрав голову, посмотрел на тусклые лампы и почувствовал, что ему чего-то не хватает. Не хватает ощущения тяжести на поясе. Самое время нацепить кобуру.

Нападавшие, непонятным образом появившись практически одновременно в десятках точек, за несколько минут сумели значительно снизить боевой потенциал авиабазы. Обслуживающий персонал и охрана были рассеяны или убиты, авиатехника уничтожена на земле,

многие сооружения пострадали от артиллерийского обстрела – противник вел огонь прямой наводкой, используя самоходные гаубицы.

Несмотря на приличное количество вооруженных солдат, нападавшие и здесь не понесли значительных потерь. Охрана сумела расстрелять один грузовик, перебитый высоковольтный кабель оголенным концом упал на броню танка, один из бронетранспортеров сгорел дотла при взрыве емкости с бензином. Больших бед мог наделать вертолет, в момент атаки находившийся в воздухе: боекомплекта хватало на уничтожение танковой роты. К сожалению, пилоты, не получая с земли внятных приказов, осторожничали, пытаясь самостоятельно разобраться в ситуации. Промедление привело их к катастрофе – противник сбил машину из переносного зенитно-ракетного комплекса. В общей сложности атакующие потеряли три единицы техники и около восьмидесяти убитых и тяжело раненых бойцов. Почти все подразделения армии США, размещенные на базе, были разбиты до полной потери боеспособности. Учитывая, что в случае войны этих сил могло хватить на завоевание приличной страны, потери вышли несопоставимыми.

* * *

Они появились повсюду. Стадия «Шок» предусматривала неожиданный одновременный глобальный удар и полное уничтожение всех центров возможного организованного вооруженного сопротивления. Само собой, в первую очередь атаке подверглись армейские объекты, особое внимание при этом уделялось частям действующих армий, находившихся в районах боевых действий. Это самые опасные цели – солдаты постоянно имеют личное оружие и присутствует боевая техника, способная быстро вступить в бой. В некоторых регионах и странах вроде Израиля или Швейцарии, где в силу местных особенностей на руках у населения находилось огромное количество боевого оружия и амуниции, стадия «Шок» проводилась параллельно со стадией «Сев», причем вводились огромные силы. В государствах или территориальных образованиях, где внутренняя политика препятствовала вооружению населения, обходились минимумом бойцов.

Атаковались комиссариаты полиции, офисы крупных охранных агентств, милицейские участки, мэрии, объекты церквей и различных общественных организаций. Разрушались линии связи и электропередач, ретрансляторы сотовой связи, сметались с лица земли штабы гражданской обороны и объекты учреждений, призванных бороться с последствиями чрезвычайных ситуаций. Уничтожались все госучреждения без разбора – нападавшие при этом не ленились наносить удары по жилым домам, в которых обитают крупные чиновники. Власть переставала существовать физически.

Можно ли уничтожить армию крупной страны за полчаса? Теоретически можно – если десятки тысяч термоядерных зарядов достигнут своих целей без помех и совершенно неожиданно. Оставшиеся осколки вооруженных сил, лишенные связи, командования, не имея внятных боевых задач, при отсутствии возможности пополнения личного состава и запасов боеприпасов, для агрессора опасности представлять уже не станут.

А можно ли уничтожить армии всех стран мира? Тоже можно – просто термоядерных боеприпасов должно быть гораздо больше.

Естественно, жертвы должны быть слепы, глухи и глупы. В противном случае военные части имеют шанс избежать фатальных потерь, укрыв личный состав в убежищах или рассредоточив подразделения по огромной площади, выжечь которую будет невозможно.

Нечто подобное произошло на стадии «Шок». Только обошлись без термоядерного оружия. Используя фактор неожиданности, таинственные агрессоры атаковали весь мир. Сразу. Одновременно. Удар нанесли в миллионах мест. Ни одна оборонительная доктрина такого бредового сценария не предусматривала. Единственный вариант, в минимальной степени похожий

на нынешний, мог быть реализован в ситуации с массовыми гражданскими беспорядками. Но подобные беспорядки начинаются далеко не мгновенно – фактора неожиданности не будет. Да и откуда штатским лицам взять столько оружия и бронетехники?

Дивизия, способная в открытом бою перемолотить тысячи элитных вражеских солдат, терпела поражения от шести сотен сутулых боевиков, одетых в дешевые пуховики и разъезжающих на устаревших бронетранспортерах и танках. Противостоять им было невероятно трудно. Во всех случаях они появлялись неожиданно, зачастую уже внутри охраняемых периметров. Быстро наносили жестокие удары по казармам с личным составом, в ночной зоне застигая безоружных солдат в койках, уничтожали штабы и узлы связи, захватывали парки с боевой техникой, склады с оружием и боеприпасами. В большинстве случаев агрессоры четко знали, кому и куда следует двигаться, и добивались полного контроля за считанные минуты. Безоружные бойцы, лишённые командования, доступа к средствам связи и боевой технике, неорганизованно разбегались по окрестностям. Большую часть потерь агрессоры понесли в областях Земли, освещенных солнцем. В ночных условиях они с серьезным сопротивлением сталкивались нечасто. Но и солнечный свет не слишком помогал защитникам – потери, которые они наносили нападавшим, в подавляющем большинстве случаев не помешали тем выполнить свои задачи.

Подземные объекты военного назначения не избежали общей участи – противник и здесь проявил оригинальность. Игнорируя тщательно охраняемые двери штолен или вертикальных шахт, он, бывало, неожиданно появлялся в самых охраняемых уголках бункеров, поливая огнем из автоматического оружия его обитателей. В тех случаях, когда проникнуть внутрь своим загадочным способом он не мог, в дело вступали многотонные заряды взрывчатки – этого обычно хватало, чтобы разрушить объект или нарушить его нормальную работу. В отдельных случаях применялись отравляющие газы или атомные заряды небольшой мощности.

Укрыться от этой напасти было негде.

В некоторых местах нападавшим не повезло. В силу собственных ошибок или из-за умелых действий командования обороняющихся они несли огромные потери и вынуждены были отходить, не выполнив своих задач. Эти ситуации были предусмотрены – именно поэтому стадия «Шок» разделялась на три этапа, по полчаса в каждом. По истечении каждого этапа отряды должны были давать сигнал центральной группе своего района, что задача выполнена. Если сигнал не поступал, это означало срыв задачи или уничтожение подразделения, что по сути одно и то же. В таком случае в дело обычно вступал резерв – к проблемной точке высылались силы, превосходящие первоначальные в пятнадцать раз. Если и через час успех не достигался, высылался очередной отряд – уже в тридцать раз сильнее. Если и потом победить не удавалось – применялись специальные методы подавления очагов сопротивления.

Спустя полтора часа во всем мире осталось лишь четыреста семьдесят девять точек, в которых полного успеха достичь так и не удалось. В одном случае это был полк индонезийской армии, сумевший удержать удобные позиции на западной оконечности маленького острова, хитроумно используя систему природных пещер и особенности местности. В другом – российская погранзаства на южной границе: русским пограничникам не впервой было ломать планы агрессоров¹⁴.

В большинстве этих случаев подразделения, сохранившие боеспособность, были наглухо блокированы превосходящими силами агрессора и стать центрами организации сопротивления не могли. Да и жить им оставалось недолго – подвоза боеприпасов нет, подкреплений тоже не предвидится, а вот у противника всего хватает: множество танковых орудий и гаубиц ведут

¹⁴ По плану «Барбаросса» на уничтожение советских пограничных застав немецкое командование отводило не более тридцати минут. Но многие заставы сражались днями и даже неделями, а Брестская крепость держалась гораздо дольше.

непрерывный обстрел. А если вспомнить о двух сотнях операторов, лихорадочно наводящих на их позиции порталы для выгрузки спецсредств, то можно вообще о них позабыть.

Неблокированными остались суда военных флотов, которые в период проведения стадии «Шок» находились вдали от берегов. Корабли на рейдах не избежали судьбы сухопутных частей – противник во многих случаях сумел атаковать и их. Танки, непонятно откуда появившиеся на палубах авианосцев, и пехота, возникшая чуть ли не во всех уголках одновременно, в большинстве случаев управлялись с делом за полчаса.

Также разгрома избежало немало мелких групп военнослужащих – отряды спецназа на учениях или в зонах боевых действий, разведгруппы, усиленные патрули, гарнизоны блокпостов, отдельные части на марше. Мелкие группки военнослужащих, уцелевшие при разгроме их частей, тоже продолжали сопротивление – иногда с большим успехом, иногда нет. Негосударственные партизанские отряды или откровенно бандитские формирования тоже зачастую уцелели. Но их существование не мешало планам агрессоров – считалось, что большого ущерба они нанести не способны и на дальнейших стадиях их количество будет быстро снижаться. Главный фактор снижения – тяга солдат к объединению в крупные подразделения. А это конец – засекать крупные объединения и расправляться с ними враг умел прекрасно.

Гражданское население на стадии «Шок» зачастую не успело осознать, что рядом с ними происходит нечто странное. Агрессор не трогал мирных граждан, если те не подворачивались под ноги или не пытались предпринять какие-либо негативные действия. Власть не объявляла тревоги, никто не информировал граждан о начавшейся войне. Те, кто слышал стрельбу или наблюдал за нападениями на объекты первой стадии, пребывали в недоумении. Даже в Интернете царила почти полная тишина – по причине колоссального повреждения линий связи и электроснабжения Всемирная сеть была практически парализована, распавшись на ряд изолированных сегментов. Почти абсолютный информационный вакуум.

Стадия «Шок» была закончена. Началась стадия «Сев».

* * *

Подвал был глубокий, его стены и перекрытия впечатляли своей толщиной. Двери камеры тоже были не из тонких. Но звуки пропускали.

Звуки выстрелов.

Стрельба приближалась с каждым мгновением. Немногочисленные защитники здания не в силах были противостоять натиску элитных бойцов, вооруженных автоматическим оружием и гранатами. Скоро, очень скоро спецгруппа доберется до двери камеры.

Человек, лежавший на жесткой койке, улыбнулся. Тело его болело во многих местах – последствия аварии; жесткое ложе тоже не добавляло позитивных ощущений. Но его это уже не беспокоило. Его краткосрочный плен подходит к концу. За ним уже идут. Сейчас дверь откроется, и...

Интересно, а как он доберется до Верхнеглинска теперь? Автотранспортом долго, самолетом... А остались ли у них экипажи? Или их потеряли – план «Крайние меры» был недоработан, да и сработал внезапно. Наверняка многие сотрудники остались там... снаружи... Потери среди таких неудачников будут близки к ста процентам.

Выстрелы загремели совсем близко. Длинная автоматная очередь не смолкала очень долго – похоже, в коридорчик с камерами кто-то выпустил целый магазин. По стенам будто молотками заколотило, да и металл громыхнул несколько раз – по дверям пули били.

Снаружи все затихло, но ненадолго – с лязгом открылись двери соседней камеры, тут же протрещало несколько автоматов.

Человек улыбнулся во второй раз. Как замечательно – его элитники догадались отобрать ключи у охраны. А то он уже начал беспокоиться: могли бы воспользоваться взрывчаткой в качестве отмычки. Это было бы неприятно.

В двери лязгнул замок, она со скрипом начала распахиваться. Проворно поднявшись, человек улыбнулся в третий раз – на пороге крошечной камеры он увидел двух элитников. Все – он свободен.

Он успел увидеть, как на стволах автоматов расцвело пламя. Стрелки не жалели патронов: пули изрешетили ему грудь и живот, раскололи голову, превратив содержимое черепной коробки в кровавую кашу. Человек не успел услышать выстрелов и не успел удивиться. Хотя удивляться было чему – уж убивать его не должны были ни в коем случае. Любая ошибка исключена: он для элитников практически бог. Они скорее себя убьют, чем позволят на него пылинке упасть.

Мрачные фигуры, облаченные в длиннополые теплые куртки и противогазы под вязаными шапочками, перезарядив автоматы, направились к соседней камере. Никаких эмоций или сомнений. Они делают то, что должны делать. Надо продолжать выполнять приказ.

Приказ, кстати, предельно простой – надо побыстрее убить все живое в этом здании.

Глава 4

Прослушав радиотрансляцию очередного заседания украинского парламента, Папа Римский Иоанн Павел II пришел к историческому выводу о возможности конца света в одной отдельно взятой стране.
Из анекдотов про религию

Второе утро отдыха оказалось лишь немногим лучше первого. Тоха, в энный раз преданный «верной» подругой, весь вечер целенаправленно заливал мозговое вещество пивом. Малое содержание алкоголя в «лекарстве» пришлось компенсировать большим количеством. Организм, надломленный позавчерашней пьянкой, отреагировал адекватно – ответил похмельем средней степени тяжести. Получше, чем вчерашнее пробуждение, но тоже неприятно. Спал бы еще и спал, но нет же – растолкали. Народу припекло ехать к этим четырежды проклятым соленым лужам пораньше. Кондиционер в «лимузине» Олега не работал, тащиться по местной дороге в полуденный зной – удовольствие сомнительное.

Единственный плюс: Натаха не стала капать на мозги с утра. Эта самка собаки была полностью занята своим новым приобретением – Пашей (сифилитическим самцом гориллы). Тоха, знакомый с ее повадками, понимал, что долго эта благодать не продлится. Возможно, еще одна развеселая ночь – и эту гору протеина ткнут лицом в дерьмо. Или нет – Ната сперва извозит в дерьме пару туфель, потом тщательно вытрет их о свинскую морду этого поднадоевшего фаллоимитатора.

Возле машины суетился Лысый, делая вид, что работает. Он хватал удочки, затем бросал их, брался за пакеты и оставлял их на месте. А увидев Тоху, перестал демонстрировать зрителям, что на нем здесь все держится, и молча предложил товарищу банку пива.

Тоха отказываться не стал. Открыл, отпил, неспешно кивнул:

– Спасибо, братан, ты настоящий друг.

Потягивая пивко, они лениво наблюдали за процессом погрузки. Работали Алка и Юлька. Первая вообще деваха покладистая, вторая... Вторая – шизанутая на всю голову, но, похоже, работающая. Идиллию прервал Олег. Выбравшись из домика с каким-то ящиком в руках, он припахал обоих похмельных товарищей – пришлось загружать машину бесчисленными пакетами, сумками, свертками, удочками, дровами и вообще непонятно чем. Тоха, с трудом построив здоровенный мангал, обернутый грязной мешковиной, уточнил:

– Мы к этим соленым прорывам канализации на один денек едем или на полгода? Ресоры сейчас не выдержат – полопаются.

Олег, осторожно ставя эмалированное ведро с маринованным мясом, ответил спокойно:

– Машина большая – все влезет.

– Для лохов у тебя машина – сарай на колесах. Я думал, что у тебя тачка покруче.

– Так зачем в эту глушь крутую? Тут как раз семейная рулит – и груза много берет, и пассажиров. Вся наша толпа спокойно влезет, и полтонны барахла прихватить можно. А попробуй в «мазерати»¹⁵ столько набить – там багажник меньше скворечника.

Решив, что ведро установлено надежно и проливов маринада не будет, Олег достал телефон, поднес к уху. Поморщился, посмотрел на дисплей, недовольно буркнул:

– Не могу никуда дозвониться. Сети нет. Сигнал вообще не ловится.

Тоха, добив банку до дна, жестоко смял ее в руке и прокомментировал:

¹⁵ Марка автомобиля. Maserati S.p.A. – итальянская компания, известный производитель дорогих спортивных автомобилей.

– Потому что телефон у тебя такой же лоховской, как и машина. И про «мазерати» ты соврал – раньше говорил, что у тебя другая тачка.

– Я не говорил сейчас, что у меня «мазерати», я для сравнения сказал. И дай-ка тогда свой телефон – проверим.

Убедившись, что и телефон Антона не обнаруживает сети, Олег ухмыльнулся:

– Продолжая твою мысль, можно прийти к выводу, что твой телефон не менее лоховской, чем мой.

– Не умничай – тебе это не идет. И вообще – когда поедем уже? Зачем меня разбудили – мог бы еще часа четыре валяться с такими сборами.

* * *

Денек намечался солнечный – на небе ни облачка. Ветер задувал с моря, что радовало – при ветре с суши на побережье мгновенно оказывались стаи голодающих комаров с Сиваша, и вечерами насекомые устраивали геноцид для отдыхающих. Машина продвигалась медленно – местная грунтовая дорога в профиль напоминала листы шифера из-за накатываемых в песке поперечных бугров. При малой скорости трясло терпимо, чуть повыше – надолго станешь клиентом стоматолога. Есть еще один вариант – идти нахрапом, на скорости не ниже шестидесяти – восьмидесяти километров в час. При этом колеса цепляются за вершины бугров, не успев толком провалиться в ложбины. Но здесь, на косе, подобный стиль езды требовал слишком многого от амортизаторов машины и водителя – Олег рисковать не любил.

По дороге он как «старожил» подвизался в роли гида, накачивая мозги спутников бесполезной краеведческой информацией:

– Арабатская стрелка¹⁶ – это самая большая коса в мире. Она уникальная. Начинается на Керченском полуострове и тянется на сто километров к северу, почти до Генического. Ширина этой полоски обычно около полутора километров, но есть место, где расширяется до восьми, а есть – где сужается до пары сотен метров. На ней нет природных холмов или глубоких ложбин – почти везде ровная, как доска. Местами есть дюны, но несерьезные. Это самая молодая суша на Земле – еще тысячу лет назад здесь не было ничего. Море плескалось. Потом волны нагнали из песка линию прибрежных островков, и со временем они соединились в сплошной песчаный вал. В этом валу остался единственный разрыв – перед Геническом есть пролив. Мы через него проезжали по мосту.

– Там два моста было, – лениво заметил Тоха. – Значит, и пролива два – соврал ты.

– Один пролив – просто в нем остров, вот и получилось два моста. И не пролив – протокой называют. Кстати, коса песчаная, но песок в ней непростой. Уникальное явление – это обломки ракушек. Еще одна уникальность – артезианская вода отличного качества. Азовское море на хорошую воду небогато – на всех побережьях народ пьет солоноватую и горьковатую гадость. А местную, что из скважин бьет, хоть в магазинах продавай за хорошие деньги. Вон, потрогайте бутылки – ледяная. Это я утром съездил к скважине, набрал, пока вы еще дрыхли все. В самое жаркое лето она все равно холодная и вкусная. А еще тут самые красивые в мире закаты – все, кто их повидал, с этим соглашаются. Вечером и вы увидите – обалдеете. Рыбалка отличная, креветок много, мидий можно ловить и крабов. Крабы, правда, мелкие. Сейчас мы едем на юг, слева от нас тянется Азовское море, справа – залив Сиваш. Залив тоже уникален – мелководный, разделен на множество озер, соединенных протоками, вода во многих очень соленая. В некоторых местах на дне залегает толстый слой жирного ила. Он очень полезен и

¹⁶ **Арабатская стрелка** – огромная коса, отделяющая залив Сиваш от Азовского моря. Состоит преимущественно из остатков скелетов моллюсков. Далее в своих пояснениях Олег допускает многочисленные географо-исторические неточности и преувеличения.

не уступает дорогому илу Мертвого моря – народ здесь издавна этой грязью лечит чуть ли не все болезни. Лучший способ – это раздеться догола, намазаться с ног до головы и сидеть в помещении без сильных сквозняков, дожидаясь, когда грязь эта высохнет. У нас, было дело, в палатке один раз сразу четыре девахи так засели, а я не знал и заглянул туда. Как увидел эти статуи, чуть зайкой не остался.

Тоха, соблазненный упоминанием вкусовых качеств воды, потянулся к бутылке и деловито заметил:

– Экскурсовод, свозил бы нас туда. Я не прочь посмотреть, как девки эту грязь смывают с себя.

– И я! И я! – тут же оживился Лысый.

Олег, ухмыльнувшись, громко спросил:

– Ну что, девочки? Свозим мальчиков на показ прекрасного зрелища?

– Без проблем, – отозвалась Наташка. – Старухи, которые там свой геморрой лечат, рады любому вниманию, даже от таких задохликов.

Тоха улыбнулся – на этот раз досталось не только ему. Знакомый признак – близок разрыв с Пашей, раз начала рычать не только на своего покорного вассала.

Олег не стал развивать сомнительную тему – продолжил свою «экскурсию»:

– Места тут исторические. По Арабатской стрелке как по дороге казаки раньше шастали – в гости ходили. В Крымское ханство – за добычей и прекрасными турчанками. Татары из-за них даже крепость построили в месте, где коса соединяется с Керченским полуостровом. Крепость Арабат. До сих пор там от нее развалины виднеются. Русская армия крепость штурмом взяла, напав со стороны Сиваша, когда там из-за сильного сгонного ветра отлив начался. А в Гражданскую войну через Сиваш Красная армия ворвалась в Крым, обойдя укрепленные валы на Перекопе. При этом много красноармейцев утонуло – дело ночью происходило. Во многих озерах Сиваша вода очень соленая, и там тела их не разложились, а замариновались. До сих пор их находят иногда – будто свеженькие.

– Если мяса для шашлыков не хватит, будем знать, где найти добавку, – хмыкнул Тоха.

– Тут и в Великую Отечественную боев хватало. На развалинах Арабата немцы держали оборону, там окопы от них остались и доты¹⁷. Много наших тогда полегло... Можно туда сгонять, вот только времени уйдет очень много – по такой дороге не погоняешь. Из Генческа когда ехали, видели в море далеко слева полоску суши? В той стороне еще ночью можно свет маяка рассмотреть. Это Бирючий остров. Тоже коса. Оттуда красноармейцы десант высадили на стрелку – на рыбачьих баркасах. А еще в девятнадцатом веке во время Крымской войны в Азовское море прорвалась французская эскадра – шастала вдоль косы. Обстреливала Арабат и Генческ, топила все, что встречала. История тут богатая. Старикан один местный рассказывал про легенду, что раньше на стрелке и Бирючем жили царские скифы. Может, что-то в этом трепе и есть – под Арабатом какие-то курганы здоровенные остались. Там постоянно народ шастает с металлоискателями – золото копает. Наверное, что-то находит, иначе бы не копали как проклятые по такой жаре. Хотя насчет стрелки сомнительно – при скифах косы вроде бы еще не было. А если вдоль берега проехать, уже по Керченскому полуострову, там недостроенная атомная станция стоит. Мыс Казантип. Там самые крутые тусовки в мире – Ибица отдыхает. Мы туда с Пашкой раз ездили – офигеть. Там, наверное, тысяч двадцать разного народу было. Все туда едут – от байкеров до сатанистов. Пацаны, девки самые разные, и вообще не пойми кто. Все море в серфингистах, весь берег в тачках и мотоциклах, костров миллион, хотя дров там вообще нигде не найти.

– Так, может, заглянем? – подскочила Наташка (она такие вещи обожала – столько членов, собранных в одном месте, пропускать нельзя).

¹⁷ ДОТ – долговременная огневая точка.

– Да нет, не стоит сейчас. Там ведь не всегда такая активная движуха, а только на время фестивалей или сходняков конкретных. Нет – сейчас мы в настоящую глушь заберемся. Увидите берег с офигенным пляжем, на котором от горизонта до горизонта не будет вообще никого. Зрелище незабываемое. Смотрите – слева бетонная коробка большого здания. Видали, какие оконные проемы огромные? Это недострой времен Советского Союза – хотели здесь создать офигенный пансионат, но не успели. При этой развалине, кстати, есть база отдыха неплохая – там раньше жили рабочие, которые строили эту громадину. Когда все развалилось, рабочие слиняли, а их жилье теперь отдыхающим сдают. А вон видели, заяц в кусты вроде шмыгнул? Зайцев здесь до фига. А еще тут лис много. Попадаетесь живность неприятная – змеи и сколопендры. Правда, встречаются они нечасто, но под ноги все равно поглядывайте – от укуса сколопендры лекарства нет. На Бирючьем острове есть заповедник, так там кого только нет: олени, сайгаки, даже павлины и страусы бегают.

Тохе надоело слушать унылые речи товарища – уставившись в окно, он хмуро наблюдал за проносившимися пейзажами. Честно говоря, они были не особо разнообразны: слева тянулся ровный берег моря, справа – хаос больших и малых озер, на вид очень мелких и топких. На их берегах поднимались заросли осоки и тростника, кое-где попадались рощицы или отдельные деревья неизвестной породы – корявые, низкие, со странно серебрищейся листвой. Травы чахлые, высушенные солнцем, среди них выделяются почти идеально круглые кустики, на вид колючие: может, это и есть то самое перекасти-поле, про которое в школе учиха рассказывала? Чем-то ее ботанический рассказ в мозг Тохи запал. Лысые проплешины с белой коркой подступали к самой дороге – наверное, это были солончаки. Слева перестали мелькать руины недостроенных зданий, и вообще признаков человека больше не было. Пляж тянулся практически пустынный – лишь изредка на нем цветными пятнами выделялись стоянки диких туристов с палатками и трейлерами. А справа и до этого следов разумной деятельности было немного.

Тоха, рассматривая окрестности, поймал себя на желании пройти здесь пешком, без машины. Просто прогуляться. Хорошо прогуляться – чтобы ноги натрудить. Скучный пейзаж, но есть в нем какая-то притягательность. И что самое приятное – никто при этом не будет капать ему на мозги. Здесь ведь нет людей. За все время ни одной машины не попалось. Достаточно чуток отойти от берега с его редкими туристами – и все, ты останешься наедине с этой молодой и одновременно древней удивительной страной.

Когда живы были дед и бабка, он часто летом бывал у них. И дед, фанатичный грибник, брал его в лес. Лес дикий, дремучий: не то что машиной – пешком не везде пройти можно. Тоху там охотно жрали огромные комары, он обжигался злющей крапивой, царапал руки о ветви агрессивной дикой малины и собирал на кожу голодных клещей, а однажды ухитрился потревожить осиное гнездо, заработав массу негативных ощущений. Но ему там все равно нравилось. Присядешь на мшистой проплешине, прижмешь ладони к древесной коре, замрешь. Один. Сам. Тревожно и хочется чего-то другого, непонятно чего, причем побольше. Птичьи трели хочется слушать и слушать – кажется, что вот-вот и ты поймешь этот лесной язык. И треск палых веток под ногами деда, неистово выискивающего свои червивые грибы, раздражал. Хотелось уйти от него подальше. Остаться с диким лесом наедине.

А еще он мечтал вырасти и переехать жить в этот лес.

В детстве все глупы. Расскажи он своим спутникам о той давней мечте – засмеют. И правильно сделают. Что бы он делал в такой глуши? Там и электричество не всегда в деревне было, а когда было, лампы противно мигали или тлели вполнакала – напряжение постоянно скакало. Из-за этого народ холодильников почти не держал – ломались частенько, а на дорогой стабилизатор в местной нищете денег ни у кого не находилось. Телевизор в хорошие дни показывал полторы программы – ни одной спутниковой антенны на всю округу. Само собой, что Интернета там тоже нет, как и нормальной работы. На грибах да ягодах не проживешь –

деньги-то нужны. Не устраиваться же на ферму почетным дояром-батраком, чтобы затем, не дотянув до нищенской пенсии, пропив печень и почки, сдохнуть по пьяни от переохлаждения или банально сгореть от дешевой водки.

Все равно про тот лес Тохе вспоминать нравится – в подреберье становится как-то тепло... приятно...

А ведь он дурак. Второй день здесь, а заката так и не увидел. Знаменитого заката, расхваливаемого Олегом. А когда рассматривать, если вечерами постоянно бухали с таким остервенением, будто завтра им помирать...

Точно дурак – надо остановиться... хоть сегодня на это посмотреть.

С другой стороны, как тут не пить?

Эх, сейчас бы в тот лес...

* * *

Рощину, похоже, всю ночь снились разнообразные войны. По крайней мере, проснувшись, он отчетливо помнил лишь про взрывы и пулеметные очереди. Смутно казалось, что в одном из сновидений стреляли прямо за окном, а ему было лень встать проверить, что там происходит. Неудивительно – вчера нажрался, как обер-алкоголик в день получки.

Твою мать, а который час?! Полвосьмого. Терпимо – вряд ли в местном СБУ сейчас кипит работа. Через часик, пожалуй, можно будет позвонить следователю. Хорошо бы попасть на допрос второго задержанного – не может ведь быть, что оба они свихнулись одновременно. Нужна конкретная информация.

Из ванной доносилось жизнерадостное пение – Игорь в своем амплуа. Еще по «курсантке» постоянно на толчке горланил или при бритье. С его более чем скромными вокальными данными «занято» в сортире стыдно произносить, не то что песни петь. Хотя глупо придираться – сейчас даже на эстраде поют такие личности, что в сравнении с ними Синий просто Шаляпин на фоне Герасима из «Му-му». Лишь бы рот у человека был – остальное уже вторично. Репертуар у Синего с курсантских времен изменился – в те патриархальные годы его бы за один такой куплет приставили на год к сортирной службе.

Рощин сходил на кухню, где залил в страждущий организм минералки, вернулся, заправил диван, затем, в ожидании освобождения ванной территории, взялся за работу. Первым делом проверил телефон на предмет сообщений и неотвеченных звонков. Таковых не имелось. Зато имелась неисправность – телефон не мог найти сеть. Выключил его, затем запустил опять – то же самое. Взглянул на телефон Игоря – аналогично. Значит, проблема общая – что-то нехорошее с украинским оператором сотовой связи.

Ну да хрен с ним – в наш технический век надолго подобные неудобства не затягиваются.

Достал из сумки ноутбук, раскрыл, запустил. Ввел пароль до загрузки системы, затем второй, при входе, потом убедился, что модем «видит» спутник, – в зданиях с этим зачастую бывали проблемы. Первый пароль мог обойти любой человек с отверткой, второй защищал ненамного надежнее. Хорошо бы, как в кино, иметь еще третью, настоящую защиту – чтобы при включении срабатывал таймер, и если за тридцать секунд не введешь третий пароль, из сорока цифр, знаков и букв разных регистров (причем вручную), то сработает миниатюрный атомный заряд, гарантированно уничтожив жесткий диск и пятнадцать квадратных километров прилегающей территории. Но на таких мерах защиты информации руководство пока что не настаивало. Спутниковый модем у этого компьютера был ушербный – связывался лишь с одним-единственным спутником, через него подключаясь к почтовому серверу. Не Интернет – собственная сетка, очень специализированная. Помимо личного почтового ящика Рощин мог получать открытую информацию на доске объявлений (открытую, разумеется, для узкого

круга лиц). Чтобы воспользоваться системой, Рощину пришлось ввести длинный пароль с клавиатуры, наговорить гадостей в микрофон и помаячить перед камерой.

В ящике было объемное послание – несмотря на ночное время, в управлении успели подготовить и сбросить немало информации по задержанным. Наскоро пробежавшись по тексту, Рощин ничего интересного не обнаружил. Хотя как сказать – род занятий у них по нынешним временам странный. У ребят свой бизнес, причем международный. Масштабы впечатляют. Только вот бизнес... Очистка сточных вод, мусоросжигательные заводы, свалки какие-то, рекультивация отвалов горнодобывающих предприятий. Крупнейшие в Европе производители биогумуса, разработали передовую технологию по переработке свиного навоза. Доходы... При виде цифр Рощин присвистнул – вот уж не ожидал, что на таких неприглядных вещах можно серьезные деньги делать. Будь это нефть, не удивился бы, но ведь они не нефтью занимаются – дерьмом разнообразным. Может, попросту отмывают деньги, заработанные на наркоте и торговле оружием?

Наскоро усвоив полученную информацию, перешел назад, на страницу с объявлениями. Что-то ему здесь не понравилось. В Украине сейчас уже около восьми, значит, в России около девяти. А ведь ровно в восемь должна была появиться восьмичасовая сводка по происшествиям. Рощин по службе занимался вопросами обеспечения безопасности многих объектов, подконтрольных Двенадцатому ГУМО. При этом он не мог заглядывать на страницы, посвященные надводному и подводному флоту или флотским береговым делам. Аналогично недоступной была авиация. Только сухопутные силы. В России огромный ядерный арсенал, раскиданный по всей территории страны. Там постоянно что-то происходило. Нет, речь идет не о нападениях террористов – обычно все гораздо прозаичнее. Где-то бункер остался без электричества, отключенного за неуплату излишне ретивыми энергетиками. Из-за этого пришлось нарушить режим хранения, борясь с перегревом чуть ли не вручную. В другом месте ураганным ветром сорвало опломбированные ворота – это считается ЧП. В третьем прапорщик пойман на хищении спирта. Тоже ЧП – раз решился на кражу спирта в особо крупном размере, то у человека явно нет ничего святого. Так, может, он заодно и уран ящиками воровал?

Сводки не было.

Рощин попытался обновить страницу. Зря – в ответ ему показали белый лист с техническими ругательствами. Судя по всему, компьютер почему-то не сумел связаться с сервером. Попробовал еще раз – тот же результат.

Рощин не удивился и не насторожился. У полковника уже бывали схожие проблемы. Один раз по вине техперсонала у него полетел допуск, и система его никуда не пускала, принимая, видимо, за гондурасского шпиона. Другой раз он простыл, и его сиплый голос был признан подделкой под голос «настоящего Рощина» со всеми вытекающими последствиями. Дурацкая система. Россия – это страна с набором уникальных особенностей: здесь лучшие системы защиты основаны на человеке, а не на электронике. Зря в этом случае поступили иначе – проблем добавили ненужных. Новая система связи ему не нравилась – слишком капризная.

Лишившись доступа к системе, Рощин несколько растерялся: непредвиденное нарушение планов. Но это была лишь тень той растерянности, которую он ощутил после того, как за окном загрохотала стрельба.

Полковник еще не знал, что стал свидетелем начала стадии «Сев».

* * *

Рощину не довелось повоевать в Афганистане или Чечне. В сильно горячих точках тоже не бывал, не считая одной-единственной краткосрочной командировки, где он выступал в роли эксперта. Местные саперы тогда обнаружили предмет, в котором заподозрили старое ядерное устройство, потерянное военным самолетом и частично разукomплектованное неблагонадеж-

ными местными жителями. Эти паникеры считали, что в руки боевиков могло попасть плутониевое ядро боеприпаса. Ему не пришлось отстреливаться с автоматом от орд фанатиков, рвущихся к атомному оружию, – саперы, разумеется, ошиблись, и вообще поездка оказалась исключительно тихой и мирной.

Но годы, проведенные не на самой спокойной службе, учат многому. Рощин мог по звуку определить, что летит над его головой – сверхзвуковой истребитель или крылатая ракета. Различить голоса автомата и ручного пулемета тоже мог без труда.

Севастополь – город непростой, в нем размещаются подразделения военно-морских флотов сразу двух стран. Спецслужбы этих государств работают здесь без выходных и отпусков. И не только они – плотность шпионов на квадратный метр в Севастополе самая большая в Европе (а возможно, и в мире). Разнообразные махинации с военным имуществом и политические акции привлекают сюда множество неслужилых личностей – откровенно криминальный люд, аферистов разных калибров, авантюристов, экстремистов всех видов, начиная от «зеленых» и заканчивая арабскими террористами. Тут прямо как в ковчеге – все виды тварей присутствуют, причем не обязательно по паре.

Разумеется, в такой тесноте избежать эксцессов получается далеко не всегда. И если политические баталии обычно выливались в бескровные (хотя и ожесточенные) демарши, то у криминальных личностей обходилось без толп сторонников-пенсионеров, но зато со стрельбой. Конечно, на дворе не лихие девяностые, но очередь из «калашникова» Рощин бы воспринял достаточно спокойно.

Стреляли из крупнокалиберного пулемета. Даже в те самые «лихие девяностые» это было уже чересчур круто.

В отрывистый лай пулемета вплелись голоса нескольких автоматов, а затем что-то грохнуло с такой силой, что посыпались стекла. Естественно, Рощин насторожился еще сильнее, а Синий, едва не выбив дверь, вылетел из санузла с пеной на щеках и безумием в глазах:

– Серега!!! Что за ...?!!

– Стреляют, Синий, пригнись!!!

Игорь от таких новостей в ступор впадать не стал – в отличие от Рощина у него кое-какой боевой опыт имелся. Пригнувшись ниже уровня подоконника, он, захрустев тапками по битому стеклу, выбрался на балкон. Там, используя холостяцкий развал из удочек, реек, досок и картона в качестве маскировочного щита, выглянул на улицу. Пулемет в этот момент наконец затих – судя по всему, просто закончились боеприпасы. А вот автоматы время от времени постреливали.

Рощин, не выдержав, скользнул в прихожую, впрыгнул в туфли (тапок ему хозяин не выделил, или вчера он куда-то их засунул), прокрался на балкон, занял позицию рядом с Синим, уставившись правым глазом в щель между стопками досок. Узость сектора обзора не позволила разглядеть источник стрельбы, и полковник осторожно щель расширил.

Во двореке, перед первым подъездом соседнего дома, стоял бронетранспортер. Судя по реву двигателей и лязгу гусениц, техника посерьезнее маневрировала на прилегающей улице – ее мешала разглядеть стена котельной и сдвоенная шеренга матерых тополей. Там как минимум имелаась одна военная – ведь БТР у подъезда относится к модификации, оснащенной автоматической пушкой, а не крупнокалиберным пулеметом, так что стреляли вначале не из него. С десятков странных горбятящихся личностей, разодетых в темно-зеленые пуховики, теплые штаны, с вязаными шапочками поверх противогазов на головах, занимались обстрелом дома. Даже не думая скрываться, они, встав, будто на параде, без особого энтузиазма били из «калашниковых» по окнам и припаркованным авто.

Подъехал КамАЗ – из тентованного кузова вышло еще два десятка по-зимнему одетых автоматчиков. Разделившись на две группы, они неспешно направились к подъездам. Металлические двери с кодовыми замками остановили их ненадолго – против этих преград

они применили накладные заряды. Это Рощина потрясло особенно сильно – непонятные боевики явно заранее подготовились к такому веселью, предусмотрев каждый шаг. Вскоре из недр соседнего дома послышались приглушенная пальба и разрывы ручных гранат. На балкон второго этажа выскочила женщина с ребенком на руках, попыталась спуститься вниз, используя вместо веревки виноградную лозу. Нападавшие, оставшиеся у бронетранспортера, дружно вскинули свои автоматы, не жалея патронов, мгновенно изрешетили беглецов и балкон.

– Игорь – да что это за дела?! – охнул Рощин.

– Не знаю!.. Может, переворот какой-то... Я давно чуял, что к стрельбе дело идет... Что творят...

По долгу службы Рощин неплохо представлял, как осуществляются перевороты или каким образом начинаются гражданские беспорядки. При этом никто не станет нападать на дом старой постройки, в котором живут простые люди: такими домами занимаются в последнюю очередь, если вообще занимаются.

– Может, провокация? Толпу каких-нибудь бандеровцев нагнали, дали оружие и приказали шум устроить. У нас им морды уже не раз били – им Севастополь не нравится...

Рощин не стал комментировать этот политизированный бред и высказал свои, более-менее разумные предположения:

– На погром это похоже. Еврейский. Только очень уж радикальный. И это не солдаты. Не профессионалы. Стоят кучно, передвигаются тесными группами. Будь у нас с тобой пара серьезных стволов, десяток бы положили и успели уйти в подъезд, прежде чем БТР развернет башню.

– Ага... И погибнуть смертью храбрых... Женщину-то за что! Скоты!

Опять загрохотал крупнокалиберный пулемет – уже вдалеке. Следом трещоткой захлопали автоматические пушки, затем громыхнул взрыв, потом еще сразу два. Автоматы застрекотали, похоже, в каждом дворе – шум стрельбы увеличивался с каждым мгновением, отдельные выстрелы быстро слились в единый рев сотен стволов.

Это не провокация. И не налет группы обкурившихся дезертиров. В Севастополе происходит нечто очень странное.

И страшное.

Рощин, вернувшись в комнату, схватил телефон. Увы, сеть на экранчике по-прежнему не отображалась. Полковник уже не верил в сбой связи: не бывает таких фантастических совпадений.

– Синий! У тебя городской телефон есть?

– Зачем он мне?

– Твою мать! Сотовые не работают!

– Ты что – ментов вызывать собрался? Остынь – они и без тебя все прекрасно слышат.

Автоматическая пушка захлопала прямо под окном – наверное, тот самый БТР ожил, что возле соседнего дома расположился. Снаряды полетели в дом Игоря – пол под ногами Рощина завибрировал, откликаясь на попадания в несущие стены.

– Игорь, сваливать отсюда надо! Если в квартиру такой огурец залетит, нам мало не покажется.

– Да, валим. Одевайся бегом!

Рощин, спешно застегивая рубашку, поинтересовался:

– Синий, у тебя ствол дома есть?

– Откуда?! Здесь, блин, тебе не Техас!

– Ну хоть двустволка. Ты ж вроде охотиться любил.

– На кого тут охотиться?! На кошек помойных?! Здесь тебе не тайга! Уходим давай.

Уже на бегу надевая пиджак, Рошин выскочил на лестничную площадку. Синий основательно закрыл дверь на два замка, что полковника поразило больше всего: он бы в этой бредовой ситуации вообще не стал на это время тратить.

Друзья рванули вниз по лестнице. В этот момент внизу гулко хлопнуло металлом, затем протрещала короткая очередь. Скрикошетившая пуля, деформированная после удара, с душевраздирающим визгом ушла в крышу дома, найдя себе щель меж лестничных пролетов. Затем завизжала женщина, прогрохотало сразу несколько очередей, и все завершилось звонким разрывом гранаты.

Синий, попятившись к двери, обреченно произнес:

– Они здесь.

Рошин тоже догадался, что аналогичная группа штурмовиков занялась сейчас их подъездом. И он прекрасно понимал, чем они сейчас занимаются. Врываются в квартиры, поливая все из автоматов и закидывая гранатами. Жильцы, не имея огнестрельного оружия, противостоять им не могут. Да и с оружием не все так просто – попробуй отбейся от толпы автоматчиков, поддерживаемых бронетехникой. Если затаиться в квартире Игоря... Да где там спрятаться? Под плинтус забраться?! Эти и искать не будут – пулями все углы от порога нащипигуют. «Калашу» мебель и простенки – не помеха, плюс гранаты. Выбраться через окно – вариант нехороший: во дворе стоит БТР, вокруг него дефилирует с десятков боевиков. Пристрелят ведь, как ту женщину с ребенком.

Игоря, очевидно, обуревали те же мрачные мысли, но в отличие от Рошина он, наверное, сильно растерялся и решил укрыться в квартире – вновь загремел ключами.

– Синий, не дури! Давай на крышу выбираться – в квартире нам не отсидеться!

– Ага, счас, все брошу – и на крышу полезу, – буркнул Игорь, нервно возясь с замками. – С нашей крыши только вниз башкой на асфальт прыгать – для другого занятия она не приспособлена. Не спрятаться там нигде и не спуститься. Сосед мне ключи оставил, уехал с женой на заработки – цветы я им поливаю. У них окна выходят на боковую сторону. Если там чисто, можно будет спуститься.

Игорь действовал быстро – замки открыл молниеносно, ключ выхватил из прихожей, толком не зайдя в квартиру, и закрывать дверь больше не стал. Правильно сделал – стрельба внизу не прекращалась. В замкнутом мирке подъезда трудно различать детали – все тонуло в грохоте, оглушенные уши уже начали барахлить. Но перепуганным мозгам казалось, что шум приближается, – вот-вот покажутся злобные убийцы.

Дверь соседской квартиры наконец распахнулась. Синий, рванув внутрь, развернулся уже за порогом, требовательно выкрикнул:

– Чего встал?! Бегом сюда!

– Так это... – замялся Рошин. – Остальным бы сказать, а то ведь пропадут.

– Кому говорить?! Да ты оглянись – никто, кроме нас, не вышел! Все по хатам сидят! Забились в углы и дрожат! Хоть кувалдой в двери им стучи – не откроют и слушать тебя не станут! Уходим!!!

И верно – не будь ситуация столь адреналиновой, Рошину стало бы стыдно за свой глупый альтруизм. Ведь действительно никто больше не показывался. На площадке четыре квартиры – пусть две уже необитаемы, но в остальных наверняка должен быть народ: утро ведь. Неужто думают, что удастся отсидеться за дверью? Да пусть думают что угодно – это уже их проблемы.

Окна соседской квартиры выходили на торцевую сторону дома. Стену здесь затеняли несколько здоровенных деревьев. Погромщиков видно не было, а если они и рядом, разглядеть сквозь листву подробности не смогут. Синий установил мировой рекорд по сооружению баррикады за входной дверью, а Рошин поставил аналогичный рекорд в связывании перерезанных кусков бельевых веревок.

Спуск с четвертого этажа прошел без травм. Повезло – веревка слова доброго не стоила. Все же хорошо, что Рощин не дослужился до генерала: генеральскую жирную тушу она бы точно не выдержала.

Плюхнувшись на землю, полковник неловко отпрыгнул в кусты, за которыми укрывался Игорь. Друг, нервно ослабившись, сообщил:

– Я там, на кухне, все горелки врубил на полную и духовку. Если не сразу ворвутся, то газ накопится и может хорошо шарахнуть от выстрелов или гранат.

– Ты что?! Сбрэндил?! Дом же разнесет!

– Дом?! Серега, да ты по сторонам глянь! Тут не дом – тут всему хана!

Рощин и без того смотрел очень внимательно. За кустами начиналась детская площадка, за нею шла шеренга деревьев, тянувшаяся вдоль дороги, а по дороге почти непрерывным потоком шла техника. Бронетранспортеры, танки, самоходные гаубицы, зенитные ракетно-артиллерийские установки, КамАЗы с тепло одетыми автоматчиками в кузовах. И полковник только сейчас понял, что в том БТР, который обстреливал дома, глаз улавливал нечто очень знакомое и долго разыскиваемое. Но мозг, парализованный странностью происходящего, категорически отказывался это уяснить.

Номер!..

Это был тот самый новенький бронетранспортер, непостижимым образом пропавший семь лет назад. Вместе с тем самым пистолетом, из-за которого Рощин попал в Севастополь.

По дороге двигалось немало близнецов пропавшего бэтэра. Полных близнецов – номера одинаковые. И с танками та же история: у них свои номера, такие же одинаковые. У гаубиц аналогично. И даже у КамАЗов.

Номера танков и гаубиц Рощину были знакомы. Номер ракетно-артиллерийских зенитных установок тоже фигурировал в его записной книжке. Полковник в один миг вспомнил подробности допроса вчерашнего психа – и начал догадываться, что тот вовсе не псих. А если и псих, то псих очень необычный. И еще он понял, что, возможно, во всем городе он единственный, кто сейчас хоть что-то понимает. У него есть кусочек истины: найти еще несколько кусочков – и, будто мозаика, сложится цельная картина.

С одной стороны, надо бы уносить ноги – не хотелось бы рисковать своей шкурой лишний раз. С другой, в голову полковника запала загадочная фраза про четыреста миллионов свинок.

Ему очень не понравилась эта цифра – столько свиней в Севастополе не поместится. А еще его беспокоил тот факт, что модем ноутбука не мог связаться с сервером.

Плохое совпадение. Если предположить, что сервер умышленно выведен из строя, то...

Так это что – не только в Севастополе проблемы начались?!

Рощин повернулся к другу:

– Синий, где здесь у вас первая больница?

Глава 5

Идеально сохраниться до, в течение и после конца света вам поможет герметичный бункер из свинца.

После конца света кроме вас, много(ой), может никто не выжить, поэтому в бункере надо оставить место для лица противоположного пола с целью продолжения рода человеческого.

Из пособия по выживанию в условиях конца света

Озера Тохе не понравились. Неудивительно – ему вообще мало что здесь нравилось. Отдых выходил какой-то нервотрепный и утомительный.

Пляж в этой части косы действительно оказался абсолютно пустынным – даже туристов с палатками не видно. Но зато признаков человеческой деятельности хоть отбавляй. Море выбрасывало тонны пластикового мусора, свою лепту в этот грязный процесс вносили машины, оставившие сплошную полосу следов у кромки воды. Видимо, автомобилисты, уставая от прелестей местной дороги, иногда ехали напрямик по ровному песочку, останавливаясь с целью выпить, перекусить и насвинячить. Вода в озерах, как и было обещано, оказалась чудовищно соленой, и утонуть в ней действительно затруднительно. Даже нырнуть сложно – как пробку назад выбрасывает. Вот только попадание маленькой капли этой жидкости в рот вызывало рвотный рефлекс, а высыхая, она неприятно стягивала кожу – пришлось обмываться в море. А еще вода там кишела миллионами карликовых креветок. Видимо, бедолаги мутировали из-за неприятных особенностей среды обитания. Мутация вызвала у них чувство глобального пофигизма – эти твари безостановочно с разбега ударялись о тела пловцов, что не доставляло удовольствия.

После дружных водных процедур компания сама собой развалилась – все занялись разными делами, на свой вкус. Ввиду полуденной жары с шашлыками решили повременить – жарить их на таком пекле было бы изощренной пыткой. Вот когда зной хоть чуток спадет, тогда и соберутся: к этому моменту голод как раз всех до позвоночника проберет.

Наташка (самка собаки) вместе с Пашкой (кобель-глистонос) удалилась куда-то в сторону Керченского полуострова. Видимо, местный пляж показался им слишком оживленным или чем-то раздражал чувство прекрасного. Олег, вооружившись трезубой острогой, в ластах и маске плавал по соленому озеру, азартно охотясь на местную камбалу. Алка с Юлькой залегли за кустами, загорая голышом и наблюдая из своего укрытия за его успехами. Лысый обставил весь берег спиннингами, закинув столько снастей, что рыбы должно было попасться не меньше тонны. Интересно, что с ней потом будет делать этот забавный дегенерат? Тоха бы на его месте не ерундой страдал, а пахал бы на трех работах, зарабатывая деньги на пластическую операцию. Пусть даже простенькую, ржавым скальпелем у пьяных студентов мединститута – лишь бы передняя часть лица хоть немного перестала напоминать плохо выбритую задницу. Даже жалко парня – он в общем-то неплохой человек.

Тохе не хотелось загорать. Гоняться за камбалой с копьём тоже не хотелось – она ему ничего плохого не сделала. И без того бог эту рыбу беспощадно изуродовал – не надо ей лишних проблем добавлять. Сидеть у спиннингов – тоже занятие не для него, – он, конечно, дурак еще тот, но не настолько. Да и закидывать их не умеет, а просить Лысого – унижительно.

Присев в тени машины, Тоха лениво цедил пиво, абстрактно подумывая, что с алкоголем пора бы завязывать: давно надо оздоровительный перерыв в этой нескончаемой пьянке сделать. С другой стороны, если не пить, то куда использовать высвободившееся время и силы? И чем заливать пессимистичные мысли? Среди людей, входивших в круг общения Тохи, трезвенников не было, а если и встречались, то все как один моральные уроды – вроде Паши. Не

хотелось иметь с такими выродками ничего общего, да и невозможно противостоять натиску компании: «Тоха, ты что – нас не уважаешь?!»

Вдалеке послышался шум моторов, вскоре мимо Тохи на большой скорости промчались две машины – из окон как-то странно таращились тоскливые гуманоиды разных возрастов и полов. Чего это они так вылупились? Честных парней никогда не видали? Тоха взялся за очередную банку. Не успел ее добить до середины, как мимо пролетела еще одна машина – крутой внедорожник с тонированными стеклами. Чихнув от поднятой пыли, Тоха в миллионный раз проклял Пашку – этот мешок стероидного дерьма мог бы «припарковаться» и подальше от дороги. И вообще – откуда здесь столько транспорта появилось? Не было ведь никого.

Четвертая машина – какая-то древняя развалюха – на миг притормозила. Водила, высунув башку, нервно выкрикнул:

– Валите отсюда бегом! Они уже рядом!

Машина, нервно разгоняясь до своего максимума, смешно рыскала задом на песчаных кочках. Тоха, проводив ее ленивым взглядом, буркнул под нос:

– Лучше бы ты сказал, где достал такую резкую траву.

Поняв, что спокойно посидеть в тени машины не получится, Тоха, отбросив опустевшую банку, направился к Лысому полюбоваться его рыболовными успехами. Делать-то все равно нечего.

Приятель, полностью увлеченный процессом рыбалки, появления зрителя не заметил. Все его спиннинги уже валялись на берегу, остался последний. Держа его в руках, Лысый остервенело крутил катушку. Тоха не слишком разбирался в рыбалке, но вид согнутого дугой удила заставил его предположить, что на крючке находится нечто внушительное. Так и оказалось – Лысый, резво отскочив от воды, уверенно выволок на песок увесистую серебристую рыбину.

Схватив добычу, рыболов триумфально выругался матом, закинул ее в огромное ведро, к другим пленницам, прикрыл улов крышкой.

– Твою мать! Тоха – все! Червей больше нет! А клев-то!!! Клев!!! Ты глянь, что они тут творят!!!

Тоха послушно взглянул в сторону моря. Сперва он не понял, на что указывает приятель, – море как море. Но вдруг засек в набегающей волне непонятное движение. И еще раз, и дальше еще парочка шустрых теней промелькнула. Только тут до него дошло, что в воде шныряют стремительные рыбы, иной раз выскакивая из своей стихии, – видимо, кайф ловят от атмосферного кислорода. Очевидно, это биологическое зрелище подкосило скудный умишко Лысого – как и большинство дегенератов, он был одержим первобытной тягой к охоте и собирательству, и такое изобилие потенциальной добычи его сильно потрясло.

Слив воду из банки с наживкой, Лысый с надеждой посмотрел на товарища:

– Тоха, пошли на Сиваш.

– А что я там забыл?

– Червей поищем.

– А черви мне зачем?

– Так пиленгаса¹⁸ на них ловить будем.

– А пиленгас мне зачем?

– Ну ты задрал! Пойдешь со мной или нет?! Хоть ноги разомнем, а то скоро корни пустим!

– Ноги размять... Это можно. Пошли. Уговорил.

¹⁸ **Пиленгас** (также пелингас, от *лат.* – *mugil soiuu*) – представитель кефалевых рыб.

– Сек! Я тока спиннинги в траву засуну. Олег там будет до вечера соль глотать, я его знаю. Пашка... Пашка тоже далеко уполз. Как бы сцуки, что тут ездят, не стырили чего. Спиннинги ведь дорогие.

Тоха, дожидаясь, когда товарищ закончит возню со снастями, открыл очередную банку – похлебает пивка по дороге.

Лысый, прихватив из багажника короткую лопату, повесил на нее ведро для наживки, водрузил инструмент на плечо, бодро потопал прочь от моря, огибая соленое озеро. Издалека гнусаво прокричал в сторону кустов, где девки занимались нудизмом:

– Эй! Лесбиянки! Мы на Сиваш ходим за червяками! Алка, если я с тобой червяками поделюсь, ты мне дашь?!

Ответом ему было презрительное молчание. Лысый, правда, на ответ и не надеялся – обернулся к Тохе и, похабно осклабившись, сообщил:

– Алка хорошая. Это я ее с Олегом познакомил. А до Олега она со мной была. Она у меня еще в школе сосала.

Тоха скорее бы поверил, что у Лысого был интим с кислотным монстром из фильма «Чужой», но комментировать его эротические фантазии не стал. Ленъ спорить с озабоченным дураком.

Обойдя озеро, «путешественники» забрались на какую-то длинную насыпь – похоже, раньше тут была железная дорога. Лысый с высоты указал на безбрежный водный простор:

– Сиваш. Но не знаю, как тут дела с червяками: я здесь их ни разу не копал. Они, сволочи, не везде живут. Вроде ил в Сиваше везде, а вот червяки не везде в нем ползают. Странно, да?

– Ты что же, прямо в этой соленой луже копать собрался?

– Ну да.

– Удивительное рядом – я думал, что нормальные рыбаки червей копают в земле.

– Ну так это где-нибудь на речке или нормальном озере. А тут какие черви – в песке этом вообще глухо. В Сиваше черви только. Вроде сороконожек розовых. Я раз копал, и рядом толпа очкастых парней тоже копала. Может, ботаны, а может, педики. Умные сцуки – хорошо все объясняли, я даже слов таких не знал. Сказали мне название этого червяка, тока я забыл уже. И еще говорили, что червяки эти вроде как педики или вообще сам-на-сам плодятся. Прикинь приколы – подрочил и родил! Гы-гы-гы! Они еще и кусаться могут. Страшно после такого лезть в воду – мало ли что они там с тобой сделают. Извращенцы какие-то.

Лысый опять заржал мерином, панибратски хлопнув Тоху по плечу:

– Да не бойся ты – они не больно кусаются. Главное – нам их найти. И вообще там прикольно бывает иногда. У этих ботаников, что мне про червей по ушам протерли, на берегу деваха осталась. Лежала там, скучала, на краю поля подсолнухового. Ну так я себе червяков накопал, выбрался, по ушам ей прошелся и уболтал – она у меня прям в тех подсолнухах и отсосала. Это дело ей не скучно было – ох, и накинулась! Ты прикинь – я стою в подсолнухах, голова выше цветков, смотрю на ее парня, копающегося в грязи. А она у меня в это время строчит. Прикинь, он лох! Ох я и ржал тогда! Ты прикинь – эти ботаны заумные всей толпой не могли нормальных червей целый час накопать, а я за пять минут сам накопал – отборных. Один был.

Тоха помалкивал, почти не прислушиваясь к однообразному бормотанию Лысого. У того все рассказы были однотипны: все парни, кроме него, обязательно лохи; все девки, фигурирующие в тексте, обязательно займутся с ним оральным сексом после краткосрочного «убалтывания»; все лохи обязательно лоханутся, а сам Лысый в любой ситуации обязательно превзойдет лохов по всем показателям. Тоха не сомневался, что и он потом в подобных легендах этого дегенерата будет выставлен лохом, а Наташа войдет в историю как особа, которая подарила Лысому фантастический минет чуть ли не на глазах сразу двух своих парней. Врал он глупо, неинтересно и нагло. И, похоже, даже не догадывался, что ни один гуманоид не способен пове-

рять в столь идиотское вранье. А может, и знал, но относился к этому с пофигизмом – врал для души, а не для публики. Лысый только Олега уважал, да и то странным уважением – как бы признавая в нем главного самца стаи, рычать исподтишка на которого не позволяет разница в положении.

Шли напрямик через нетронутую степь – тропинки не было. Тоха быстро пожалел, что не обулся серьезно: в пляжных шлепанцах по траве бродить не слишком приятно, да и колючек хватает. А еще он помнил предостережения Олега и продвигался не спеша, настороженно поглядывая под ноги, – высматривал змей и сколопендр. При чем понятия не имел, как выглядят последние. Наверное, что-то вроде скорпиона – увидит, сразу поймет. Круто будет, если такая тварь Лысого цапнет. Лохом он ее точно не выставит, и рассказывать, что у него отсосала сколопендра, тоже не станет. Таким образом, в его героической биографии появится белое пятно.

Змей не попадалось. Ядовитых насекомых тоже. Монотонный треп Лысого надоел до тошноты, и Тоха попытался перевести поток его слов на другие рельсы.

– Лысый, тут вроде жарко как в Сахаре. Как тут с коноплей? Хорошая?

– Тут? Да дичка беспонтовая – надо мацать только ту, что саженная. Неподалеку фермер один ее потихоньку сажал раньше. С виду лох лохом, но хитрый, сцука. Я случайно про это узнал – его жена у меня отсосала пару раз и разболтала. Так я ей по ушам протер, и она место тоже выболтала, и я его урожай сам собрал. Все собрал. Ты понял? Лоханулся тот дядя. Травы были не хуже «чуйки» – с одного затяга можно было улететь до Голландии без билета. Я ее продал по декабрю – за двадцать штук зелени. Ох я и погулял тогда. Прикинь – два раза за зиму триппер лечить пришлось. До нулей все спустил – полный голяк. А как спустил – так сразу менты приняли. За малолетку какую-то дело шили – на бабки тупо хотели развести. Она как в детстве соску получила, так с тех пор сосала без перерывов и выходных, а отвечать, значит, мне за это. Ага: сейчас – размечтались! Олегу спасибо – вытащил. У папани его крутые подвязки – всех на место поставил. И я теперь на море загораю, а менты сосут. Гы-гы-гы!

Тоха обреченно вздохнул – попытка не удалась.

Берег Сиваша был густо завален гниющими водорослями и кучами птичьих перьев. Бытового мусора, в отличие от морского побережья, почти не наблюдалось. Лысый бодренько забрался в воду. Как и предполагал Тоха, здесь оказалось очень мелко – Лысый забрел в залив шагов на тридцать, но вода даже не достала ему до колен. Очень далеко, если приглядеться, можно было рассмотреть группы каких-то здоровенных птиц – наверное, гуси или лебеди. Ни лодок, ни купальщиков, ни палаток, ни вообще следов человека. Даже в небе не видно инверсионных следов самолетов. Красота.

Лысый воткнул в дно палку, найденную на берегу, затем зачерпнул лопатой какое-то темное дерьмо, опер ее о палку, начал копать в содержимом с энтузиазмом золотоискателя.

– Тоха! Живем! Черви есть! Тащись сюда – будешь мне помогать!

– И зачем мне твои черви? Я на это не подписывался – сам в г... копайся.

– Ну и сцука же ты! Трудно помочь, что ли?! Это же грязь лечебная – ладони вылечишь, а то Натаха говорила, что у тебя там профессиональные мозоли мастурбатора!

– Ну так сходи к ней за помощью – она у тебя заодно и отсосет, ей это легко. И Паша тоже.

– Паша – да, Паша – это запросто! Паша у нас насос еще тот! – заржал Лысый, продолжая радостно ковыряться в дерьме на лопате. – Давай ко мне! На берегу нельзя здесь сидеть – в тех водорослях, что рядом с тобой валяются, любят сколопендры прятаться. У них челюсти что у питбуля – яйца на ходу отхватить могут!

Тоху это не напугало – он даже не пошевелился. Нужно нечто большее, чтобы заставить его копать в дерьме ради каких-то многоногих червей-гермафродитов. Покосившись на свои голые предплечья, он вздохнул:

– Зря выбрался – я, похоже, сгорел уже.

– Это тут мигом – надо было с длинным рукавом что-нибудь надевать, ты же белый как сметана. Вы, москали, сразу до пузырей здесь обгораете. Теперь пару дней страдать будешь, а потом облезешь, как пес лишайный. У меня раз деваха сосала одна – из Москвы, так у нее все облезло. Даже уши и щеки. Она когда у меня брала, я глаза замуривал, чтобы не видеть этот тихий ужас. А парня ее в Геничеськ увезли, в больничку – этот лох даже задницу себе пропек. Весь был красный – как переспелый помидор. Наверно, этот лох был педиком – привык подставлять всем, кто ни попросит, вот и солнцу подставил.

Тоха, опять вздохнув, поднялся, скинул шлепанцы, полез в воду. Но он и не думал помогать Лысому – набрал жменю жирного черного ила, густо намазал им предплечья. Хоть какая-то защита от солнца, да и полезный он, если Олег не соврал.

Закончив с руками, чуток намазал щеки. Он не боялся, что они обгорят, – просто для прикола. Затем решил провести черную полосу на лбу – не хуже чем у Рембо морда станет.

В этот момент со стороны моря резко и громко затрещали автоматные очереди.

* * *

Тоха в армии не служил. Он не был инвалидом или психом – просто студентов не брали. Получит диплом – тогда да, загребут мгновенно. Отмазаться от столь непривлекательного долга Родине сейчас не так-то просто, но он не терял на это надежды – ему не улыбалось вычеркивать из жизни такой сочный кусок молодости. Нормальному парню в армии делать нечего – он не для того родился, чтобы офицерам гаражи строить или гнилую картошку чистить тоннами, а вечерами стирать обгаженные подштанники «дедов», терпя от них морально-физические унижения. Пусть там гопники корячатся и разная деревенская быдлота – армия как раз для таких и создана. А Тохе не улыбается мыться в одной бане с людьми, которым он на гражданке даже руки подавать не станет.

В стране, гражданином которой являлся Тоха, огнестрельное оружие было не то чтобы под полным запретом, но... Не одобрялось оно. Государством не одобрялось. В общем, до Дикого Запада было так же близко, как до Меркурия раком. Тоха никогда не держал в руках настоящего пистолета, не говоря уже об автомате. Максимум – спортивную пневматику. Стрельба из пневматики ему не понравилась – он попадал куда угодно, но только не по мишеням. На ролевке¹⁹, куда его затащили случайные приятели, ему довелось испробовать луки и арбалеты. Это дело понравилось побольше. Тоже не попадал, но выглядело круто, и процесс доставлял удовольствие. Отдавало чем-то настоящим, первобытным, мужским. Это тебе не жалкие «пуки» из дешевенькой «воздушки».

В общем, Тоха не был обременен даже слабым намеком на военную подготовку. Тем не менее, услышав выстрелы, он моментально понял, что это не пневматика «пукает» и не петарды взрываются. Это очень серьезно. Лысый тоже разволновался нешуточно – даже дерьмо свое с лопаты выронил.

– Эй! Чего это?! Тоха?!

– Стреляют. Вроде бы у машины нашей стреляют. У Олега случайно нет автомата?

– У Олега?! Да на фиг ему автомат?! У тебя че, чердак поехал?! Че там за дела?!

– Не знаю. Вроде затихло уже. Посмотрим?

По виду Лысого Тоха догадался, что тот вовсе не горит желанием спешить к месту перестрелки. Но, к чести приятеля, он возражать не стал:

– Пошли. Только давай осторожно, не ломиться внаглую – к насыпи сперва. А уже оттуда глянем аккуратно.

¹⁹ Ролевка – ролевая игра.

Тоха идею поддержал – здравая ведь. Удивляться ее здравости не стал – у денегератов хорошо развит инстинкт выживания и в вопросах сохранения целостности шкуры они ошибаются нечасто. Приятели направились к насыпи, при этом Лысый лопатку держал угрожающе, за край рукоятки – будто рубить собрался супостатов. Вот же дурак – что он сделает против автомата? Насмешит автоматчика своей рожей до смерти?

На насыпь забрались в самом густо заросшем месте. Осторожно высунув нос из колючих кустов, Тоха осмотрелся. В первую очередь обратил внимание на пыльный шлейф справа – какая-то немаленькая машина, а может и не одна, резво уходила в сторону Керченского полуострова. Мини-вэн Олега стоял, где и прежде, – с виду там было все в порядке. Вот только самого Олега видно не было – он больше не гонялся по озеру за камбалой. Вдали, на берегу моря, можно было разглядеть синее пятно – ведро с уловом, ввиду врожденного скудоумия оставленное Лысым на солнцепеке. Вокруг него радостно сустились здоровенные бакланы – обед у них сегодня выдался знатный.

Тишина и спокойствие. Тохе стало казаться, что стрельба померещилась. Солнце хмельные головы напекло, вот и чудится разная ересь.

– Ни фиги не пойму, – признался Лысый. – Кто это стрелял? Может, та машина, что там пылит? Может, из нее пульнули на ходу?

– Не знаю. Пошли – хватит валяться. Посмотрим, что там.

Подойдя к берегу озера, Тоха с опаской крикнул:

– Девки, вы живы?

– Живы мы, – как-то двусмысленно ответил из кустов Олег, впрочем, сразу поправившись: – В смысле Юлька и Алка живы, а я тут с ними.

– Что это за пальба тут была?

– Да не знаем мы – из-за кустов девки ничего не видели, я снизу тоже не разглядел. Машины какие-то проехали – вот с них и стреляли. Я как услышал, в заросли под берегом спрятался. А что мне делать оставалось?! Они уехали уже или как?

– Да. Направо махнули – уже далеко. Может, это браконьеры были? Ты говорил, что они сюда заглядывают иногда.

– Какие на хрен браконьеры? Это тебе не Африка – нашим бракам автоматы не нужны. Рыбу они здесь просто в сезон сетями ловят. Что у тебя с лицом?!

– Грязью местной обмазался. Драгоценной. Для профилактики сифилиса.

Олег, узнав, что опасности больше нет, тут же вылез из кустов и скачками понесся к машине. Не добежав до нее несколько шагов, замер, издал какой-то воюще-клокочущий звук, в котором смешались злость, страх, ярость, недоумение и жалость к себе. Затем неуклюже, будто случайный ботан в компании скинхедов, выматерился и почти связно сообщил:

– Машину они раздолбали! В хлам! Батя меня за это в асфальт закатает! Живьем...

– Так что – машина это не твоя? – подходя, с интересом уточнил Тоха.

– Ну да... У бати взял. Удобно же на такой на море...

– Круто ты себя держал и попал за это тоже круто...

Тоха в автомеханике понимал немного, но даже его скромных познаний хватило, чтобы понять: с машиной далеко не все в порядке. Пули оставили в стеклах и корпусе десятки уродливых отверстий, продырявили колеса по правой стороне. У автоматов вроде бы калибр небольшой, но пробоины на капоте были ужасающие – руку можно просунуть. Видимо, стреляли не только из автоматов. Может, ружье какое-то крупнокалиберное? Вроде охотничьего? Хотя какое, блин, ружье – из такого если в лося пулянуть, от несчастного животного одни рога останутся.

Воняло бензином, с днища активно капало что-то черное, жирное. Наверное, машинное масло или какая-нибудь другая важная для машины жидкость. Тоха не верил, что после такого

приключения этот драндулет сможет поехать без помощи тягача. Лысый в этой мысли с ним был солидарен:

– Во попали... Все – хрен теперь уедем. Олег, давай звонить – ментов надо срочно. Пусть этих уродов у Арабата перехватывают. Им некуда деваться – с одной стороны Сиваш, с другой море.

– Да заткнись хоть ты! Перехватчик! Не работает телефон! С утра не работает! Я сейчас...

Что хотел сказать Олег, осталось тайной: он замолчал, странно уставившись куда-то за спину Лысому. Тохе не оставалось ничего другого, как обернуться – взглянуть туда же.

По пляжу брел Паша. Нехорошо как-то брел. Обычно этот брусок протеина передвигался походкой тяжелого бульдозера – грудь, выставленная вперед, готова снести любое препятствие, оказавшееся на пути; руки отставлены далеко в стороны – подчеркивать величину раздутых бицепсов; ноги переставляются как-то не по-человечески – будто изнасилованный манекен шагает. Но сейчас все не так – еле ходули волочит, весь как-то потух, поник и скукожился. Жалкое зрелище.

А на белой майке расплываются красные пятна.

У Тохи желудок мгновенно опустился в район копчика, во рту появился странный привкус, очень сильно захотелось отбежать и блевануть от души. Сейчас этот убогий качок подтащит свое тело и сдохнет – он ведь кровью истекает.

Паша не сдох. Подойдя к машине, он сокрушенно развел руки и жалобно пролепетал:

– Я не виноват. Я пытался, но у меня ничего не получилось.

– Что ты пытался? – настороженно уточнил Олег.

– Спасти. Не смог. Там столько крови, столько крови...

Здоровяк, присев на корточки, самым натуральным образом расплакался – будто ребенок, обиженный в песочнице.

Тоха, поняв, что тот не собирается помирать, облегченно вздохнул. Но в голове завертелась другая мысль:

– Эй! Паша! А кровь на тебе откуда?! Чья?!

Хнычущий парень, опасливо покосившись на Тоху, всхлипывая, тихо произнес:

– Наташа.

* * *

Ната не была красавицей, и смерть это не исправила – усугубила. Тохе хватило одного взгляда, чтобы нарисовать картину произошедшего. Его подруга долго и разнообразно совокуплялась с этим перекачанным контрацептивом, затем, в какой-то момент, парочка сделала паузу. Паша, изнуренный темпераментом этой вечно голодной самки, разлегся в тенишке, под кустом, еще и майку напялил, спасая свою драгоценную кожу. А может, и не снимал. Ната прятаться не стала: уселась прямо на солнцепеке в позе лотоса и закурила – любила так делать.

Странно – ведь она, услышав стрельбу у машины, должна была насторожиться и спрятаться в заросли, к своему унылому членоносцу. И вообще, сидеть голышом на виду у всех – не в ее привычках. Хотя, может, после секса расслабилась – в пофигизм ударилась. Или надеялась, что крутые парни с автоматами соблазнятся ее прелестями, и она получит от них порцию экстремального секса. В общем, прятаться не стала – так и осталась сидеть, будто медитирующий йог. Из проезжающей машины кто-то одним движением пальца перечеркнул ее жизнь. Пули разорвали обнаженную грудь и живот, одна угодила в лицо, разворотив подбородок. Наташка, наверное, ничего не почувствовала – умерла легко. Даже ноги остались сплетенными.

Весь песок вокруг нее потемнел от крови. Даже не верилось, что ее столько умещалось в таком хрупком теле. Ната ведь коротышка и худая, будто вешалка. Все вокруг забрызгала, даже своего очередного любовничка.

Олега вывернуло наизнанку. Алла перепуганно заплакала. Юлька просто смотрела, не выказывая никаких эмоций, будто кукла стояла. Лысый, ошеломленно уставившись на расстрелянное тело, выдал очередную шедевральную тупость:

– Чего это с ней?!

Странно, но Тоху не замутило. И вообще, он чувствовал себя более чем хорошо. Даже ответить сумел с юморком:

– А ничего – она теперь у тебя точно не отсосет.

– Ты debil, – давясь слезами, сообщила Алла.

– Спасибо, но вы не сообщили мне ничего нового, – вежливо поблагодарил Тоха.

Хорошо, хоть Пашка сюда не поперся – одним нытиком меньше.

Олег, прочистив желудок, к новой проблеме отнесся деловито:

– Алла, бегом назад, к машине. Лысый, и ты тоже. Принеси тент – накроем ее.

– Накроем? Мы что, ее здесь оставим?

– Ты совсем идиот?! – взорвался Олег. – Нет, блин: она с нами пойдет – ножками-ножками! Ведь машина у нас немножко сломалась – ты, видимо, забыл!

– Ну че ты сразу орать?! И это... Тут много машин ездило – надо ловить тачку, с ними поехать.

– Ага! Ездило-то ездило! Из одной такой тачки Наташу и застрелили! Да и кто нас пустит с трупом к себе в машину?! Надо выбираться отсюда быстрее – и к ментам бежать! Они приедут, заберут ее. И осмотрят все вокруг.

Тоха в сыскные таланты местной милиции верил слабо, и вообще он органам правопорядка не доверял ни капли, о чем и сообщил:

– Если прибежим к ментам, они нас первым делом примут – больше ведь принимать пока некого? Кто стрелял – неизвестно, и не факт, что вообще станет известно, а труп на кого-то надо вешать. А тут столько кандидатур – ты, я, Лысый, Пашка. Алку тоже не забывай – бабы из ревности ногтями кастрировать могут, не то что пристрелить. Посадят нас в камеру к неудовлетворенным педерастам, и мы к утру будем готовы признаться в поджоге Азовского моря, не то что в убийстве.

– И что ты предлагаешь? – почти спокойно уточнил Олег, зловеще добавив: – Это ведь твоя подруга.

– А ничего. Надо без шума и бабьих истерик добраться до работающего телефона и ментам позвонить, а не самим сдаваться идти. И папане твоему позвонить до этого – если он такой крутой, как ты рассказывал, то сумеет прикрыть наши задницы от интимных развлечений с гомосеками и других ментовских забав. Нельзя нам с бухты-барахты к ним просто так, с улицы, стучаться.

Олег ничего не ответил, но призадумался, уставившись под ноги. Тоха ему не мешал – он считает, что сильно умный, так пусть думает.

Вскоре вернулся Лысый, притащив парусиновый тент. Тело Наты прикрыли, ткань по углам присыпали песком – чтобы ветром не унесло. Зачем-то постояв с минуту вокруг убитой, не сговариваясь, направились к машине. Олег по пути обрисовал план действий:

– Дорога здесь неживленная – после выстрелов никто не проехал. Может и до вечера не проехать. Надо идти пешком. До ближайших баз отдыха километров пятнадцать – двадцать. Мы не калеки – дойдем как-нибудь. Там уже телефон поищем.

Лысый, хлопнув себя по лбу, скачками понесся к берегу:

– Млин! Бакланы, сцуки, мою рыбу жрут!

Олег, безразлично посмотрев ему вслед, сплюнул и коротко констатировал:

– Дебил.

Глава 6

Уважаемые жильцы!
Завтра с 8.30 будут отключены свет, вода, газ, телефон и
телевизор. Наступит конец света. Вы все умрете!
Администрация ГРЭП-4
Объявление на двери подъезда

За Севастополь взялись очень серьезно – не будь с Рошиным надежного друга из местных жителей, полковник бы погиб, не успев и на сотню шагов удалиться от дома. Но Синий сегодня был на высоте. Для начала он сумел добраться до соседнего двора, не высываясь из зарослей: все вокруг кишело агрессивно настроенными автоматчиками. Там друзья залезли в подвал и, поплутав в потемках, выбрались уже из торцевого выхода – у стены огромной автостоянки. Стену преодолели нагло, но никто их при этом не заметил – внимание боевиков было приковано к жилым домам по округе. Прячась среди машин, добрались до противоположного края стоянки.

Здесь Игорь притормозил:

– Серега, дальше нам надо три улицы пересечь – и будет больница. Я тебе всецело верю, но, может, ты мне все же объяснишь, что там собираешься делать? Мне надо знать, к чему готовиться.

Слова друга были разумны, и Рошин кивнул:

– Хорошо. Если коротко – я знаю, в чем дело. Точнее, думаю, что знаю того, кто может это знать. Вчера... В общем, у меня есть подозрение, что проблемы начались не только в Севастополе. Знаю, это звучит бредово, но мне кажется, что это сейчас может происходить во многих местах. А может повсюду. Это что-то очень серьезное. У меня в ноутбуке спутниковый модем, но он не находит нашего сервера. А это интересный знак. Сотовая связь тоже не работает. В больнице, в травматологическом отделении, лежит один человек. У него сломана нога и разные травмы средней тяжести. Его охраняют как подозреваемого. Нам надо его оттуда вытащить в укромное место и вдумчиво пообщаться. Если бы это не началось, я бы как раз сегодня с ним поговорил. Игорь, я не уверен, что делаю все правильно. Может, у меня бред или воспаление фантазии. Но интуиция мне просто приказывает – надо делать именно так.

– Хорошо-хорошо! Да я не спорю с твоей интуицией – мне надо лишь знать, что делаем дальше. Я тебя понял. Теперь так – по пути я заметил, что эти ребята держатся большими группами. Одиночек или двоек-троек не видел. И рядом с ними всегда есть «броня» или как минимум КамАЗ. Значит, можно рискнуть – перебежать через дороги, если рядом не будет видно их отрядов. Ведь засевших одиночек или мелкие патрули заметить тяжелее. Пренебрежем ими – считаем, что их нет. Иначе придется нам делать огромный крюк, и по пути запросто попадемся.

– Согласен. Давай веди, Сусанин. Долго сидеть на одном месте смысла нет.

Перебежав через переулок, прокрались к улице по задам большого магазина. Дальше рванули как спортсмены на спринте – преодолеть открытое пространство дороги. Обошлось – пули рядом не просвистели, хотя вдалеке сутулые фигуры с автоматами виднелись. Едва успели укрыться за углом, как позади загудели двигатели – там, где они только что мчались, показался танк в сопровождении КамАЗа.

– Вовремя, – выдохнул Синий и рванул к раскрытой двери подъезда.

Рошину его идея не понравилась – в доме выбиты почти все стекла, вокруг рассыпаны сотни гильз. Здесь явно побывали погромщики. Хотя на второй взгляд идея не столь уж плоха – снаряд два раза в одну воронку не попадает. Раз они здесь уже побывали, второй раз не полезут.

Синий, не останавливаясь, ворвался в квартиру на первом этаже – изрешеченная дверь была «гостеприимно» распахнута. Внутри пришлось перешагивать через труп старика, лежащий у порога, – тело перегородило узкий коридорчик. В большой комнате было не продохнуть от дыма – лениво тлел диван. Рошин, кашляя, вслед за Игорем выбрался на балкон, оттуда они спустились на землю уже по другую сторону дома, шмыгнули в скверик, укрываясь в зарослях, осторожно двинулись дальше.

По своему городу друзья пробирались, будто лазутчики по вражескому лагерю. Так, впрочем, и было – сегодняшний Севастополь ошибок не прощал. На их глазах автомашина, неосторожно вырвавшаяся из переулочка, была чуть ли не в упор расстреляна из крупнокалиберного пулемета. Огромные пули сорвали капот, снеся стойки, жестоко перекосили кузов, двигатель вывалился на асфальт. Из салона не выбрался никто. БТР, покрутив башней, двинулся дальше, за ним, будто стайка замерзающих подростков, просеменили несколько автоматчиков.

В другом месте группа людей, выбравшаяся из обстрелянной «маршрутки», была застигнута посреди дороги – из-за угла им навстречу высыпало десятка два боевиков. Патронов они не жалели – жали на спусковые крючки до полного опустошения магазинов.

Издалека довелось посмотреть еще на одну драму. Жильцы, видимо, понаблюдав за печальной участью соседних домов, свой попытались превратить в крепость. Двери подъездов изнутри забаррикадировали столь плотно, что пробраться было затруднительно. Возможно, завалили мебелью все нижние пролеты и площадки, наивно думая, что удастся отсидеться. Не удалось. Агрессоры даже на стали ломиться через завалы – просто подогнали самоходную гаубицу, и та, пару раз бахнув прямой наводкой, превратила дом в кучу мусора.

Трупы встречались на каждом шагу, а иногда и не трупы – раненых и умирающих хватало. Рошину, наверное, до конца дней будет сниться та девочка. Зажимая руками расползающиеся внутренности, она, волоча за собой почти оторванную ногу, поскуливая, неуклюже переползала через улицу на глазах у этих мразей с автоматами. Те не обращали на нее внимания. Для них ее уже не существовало.

Следы сопротивления повстречались лишь раз, уже возле больницы. КамАЗ с желтым тентом стоял поперек улицы. Кабина в многочисленных пробоинах, на асфальте замерло четыре тела погромщиков. Чуть дальше – милицмейская машина, возле нее несколько человеческих тел, причем все они были в форме морских пехотинцев, и гильз вокруг них хватало. Несмотря на риск, друзья без обсуждения отвлеклись на обыск поля боя – им позарез требовалось оружие. Увы, у морпехов даже патронами не удалось разжиться. Расстрелянные типчики в противогазах тоже оказались без своих автоматов – кто-то здесь явно успел похозяйничать. Лишь Синему улыбнулась удача – в машине он разглядел тело милиционера и поживился у того пистолетом. Уже что-то.

* * *

Целых стекол в больнице осталось немного. Издали оценив этот тревожный признак, Рошин начал опасаться самого худшего. Но вроде бы пронесло – россыпей гильз у входа не наблюдалось. Похоже, танки мимоходом постреляли, но автоматчики для зачистки сюда еще не добрались.

Здание выглядело покинутым – все, кто мог, похоже, сбежали или затаились. На истошные крики друзей вылезла какая-то весьма немолодая сухонькая женщина в белом халате и первым делом сделала им замечание:

– Чего разорались? Тише вы – еще эти услышат.

– Мать! – радостно кинулся к ней Рошин. – У вас тут мужик должен лежать, после аварии. Его должны были охранять – он задержанный. Где он?

– А вам это зачем? – подозрительно рассматривая друзей, уточнила женщина.

– Приказ у нас – вывезти его отсюда побыстрее, – не моргнув глазом, нагло соврал Рошин. – Он слишком ценный, а тут такие дела – спасать срочно надо.

– А остальных?

– Каких остальных?

– Так всех ходячих, кто не ушел, в подвал спрятали, как это началось. И в бомбоубежище. А кто ушел – так даже не знаю, что теперь с ними. Василий Петрович пытался к флотским проехать на машине своей, так раздавили его танком, я прям из окна видела это. Чуть сердце не остановилось – страшно же. Потом танк этот в нас стрелял. Ранило некоторых, а на втором этаже пожар тушить пришлось.

– Мать! Ты давай скажи, где наш человек! Время идет! Мы еще не знаем, как его вытаскивать будем, – чего уж про остальных говорить.

– Идите за мной, только не шумите. Война это или что? Ни радио не работает, ни рация в «скорой», ни телевизор.

– Электричество есть? – уточнил Синий.

– Есть. Но выключили все от греха. Я успела в Интернете глянуть – думала новости узнать. Не вышло – никуда войти не смогла.

Рошин даже не стал удивляться, хотя было чему – бабушки нечасто умеют Интернетом пользоваться:

– Что значит никуда не войти?

– А то и значит – закладки жала, а никуда не заходило. А еще Пархоменко, из новых наших, примчался сюда белый от страха, рассказал, что эти черти в противогазах всех без разбору убивают и в дома врываются. Напугал. Я вот думаю, что даже если война, то больницу они трогать не станут?

– Не должны, – лживо подтвердил Рошин, просительно добавив: – Нам бы побыстрее.

– Не бойтесь – не сбежит ваш покалеченный. Нога у него сломана сильно. А вот охранник, что при нем был, сбежал, как только стрелять в городе начали. До рассвета еще.

– Ночью? – удивился Рошин.

– Ну да. Ночью стреляли. У казарм, говорят, и по городу где-то. Я этого и не слышала. Проснулась поутру – живу под боком, пешком пришла, здесь и узнала. Он, говорят, когда услышал выстрелы, пошел посмотреть, что там случилось, и больше его здесь не видели.

Рошин этому обрадовался: охрана в байку про то, что их прислали забирать подследственного, так просто не поверила бы.

– Вы бы не забирали его лучше. Пересидите в подвале, пока порядок не наведут. Застрелят вас ведь – по всему городу сейчас стреляют. Да и нам хорошо – ведь охрана нужна в такое время. Военные, может, нас и не тронут, а вот наркоманы могут заявиться. Они и в спокойные деньки часто пытались стащить разное, а уж сегодня... Ох, боюсь я...

Вокруг господствовал абсурд, и эта бабушка, знакомая с Интернетом не понаслышке, похоже, была теперь его правой рукой. Персонал и больные попрятались по подвалам, лишь она осталась на своем посту – воплощение порядка. Похоже, вообще не удивлена происходящим – лишь слегка раздражена нарушением привычного хода вещей и опасается вовсе смешных проблем вроде набега стаи страждущих наркоманов.

Синий, услышав шум моторов, среагировал сразу – кинулся в первую попавшуюся дверь, перепрыгивая через опустевшие койки, добрался до окна:

– Серега! Они здесь уже! Сейчас вломятся!

Рошину два раза повторять не надо – понял все:

– Мать! Бегом! Давай побыстрее!

Женщина, чисто символически прибавив ходу, ворчливо проинформировала:

– Пришли уже – вон его палата.

Этот задержанный пострадал серьезно: голова забинтована основательно, нога загипсована почти до паха, подвешена на вытяжке. Из-под бинтов настороженно таращится один глаз – второй прикрыт.

– Вы кто? Вы за мной?

– За тобой, Богданов Александр Павлович, за тобой, – поморщился Рошин. – Вот как мы тебя только вытаскивать отсюда будем...

– Нет – вы не за мной, вы не должны меня трогать, – странно заявил травмированный. – Бегите отсюда лучше. Быстрее бегите. За мной должны прийти.

Снизу застрекотали автоматы – на первом этаже уже хозяйничали погромщики.

Разговаривать с задержанным здесь не получится – надо его быстро вытащить. Но как? Куда? Они на здоровых ногах еле сюда пробились – страшно подумать, как будут отсюда выбираться с покалеченным на руках.

Игорь, будто читая мысли Рошина, уверенно произнес:

– Я знаю, как можно выбраться из города. Надо только дотащить эту тушу до того расстрелянного КамАЗа.

Нелегкая задача, да и что он там придумал? Но Рошин другу доверял полностью (да и своих разумных идей пока не было):

– Хватаем его под руки и тащим. Здание длинное, они, похоже, в противоположном краю. Здесь можно будет спуститься?

– Можно, – кивнула женщина. – Но ему больно будет – нога сильно переломана.

Рошину на неудобства покалеченного гада, замешанного хрен знает в чем, было плевать:

– Синий, хватай его под левую!

– Нет – ты под левую, я с другой стороны. Если что – стрелять будет удобнее.

Разумный довод: Игорь ведь не левша. Богданов, грубо вырванный из теплого ложа, болезненно вскрикнул на первом же шаге, но никто не обратил на это внимания. Стрельба внизу не утихала и, похоже, быстро перебиралась на второй этаж. Женщина, распахнув остекленные двери, указала на лестницу:

– Вот: вниз бегите – и там увидите дверку на улицу. Она на щеколде изнутри прикрыта, так что откроете.

– Мать, а ты? Бегом с нами – стреляют же.

– А я потихоньку через подвал, к остальным. Дверку там прикрою потом брезентом грязным – может, не заметят.

Рошин, сжав зубы, кивнул:

– Спасибо, мать. Не попадись им. И это... ты извини, но нельзя нам здесь оставаться.

Сегодня ему не в первый раз приходится бросать людей или отворачиваться.

* * *

До КамАЗа добирались минут десять, но по ощущениям это тянулось минимум десять часов. Если бы Рошина заставили писать отчет, у него бы ушла пачка бумаги. Один выход из больницы чего стоил – до конца своих дней он будет помнить тот неопишуемый ужас, когда вожаки за лестницей не открылись, а пальба неумолимо приближалась. Щеколду отодвинули, но дальше все застопорилось. Не сразу поняли, что в панике давили не в ту сторону. А прямо за дверью оказался темно-зеленый бок бронетранспортера. Хорошо, что рядом с ним автоматчики не крутились, – обливаясь холодным потом, друзья незаметно перетаскивали покалеченного Богданова за угол.

Богданову, наверное, добавили немало новых переломов – его несколько раз приходилось бросать на асфальт, укрываясь от глаз убийц. Под конец он уже даже вскрикивать при этом перестал – все, что болело, уже отболело. Один раз их, похоже, кто-то заметил – по кустам, в

которых троица укрылась, начал стрелять автоматчик. Бил издалека, без азарта, и подходить ближе почему-то не стал. Но отползать под пулями было некомфортно – Богданову после этого сильно захотелось в туалет, но его просьбу проигнорировали.

Забрались в кузов грузовика, и только сейчас Синий соизволил пояснить детали своего гениального плана:

– Здесь четверо убитых гадов. Стащим с них противогазы и пуховики, напаялим на себя. Грузовик заведенный остался – на нем и поедem. В кабине стекла потрескались от пуль, да и в противогазах все на одно лицо – проскочим легко.

– Напролом на грузовике переть?

– А у тебя есть идея получше?

– Нет.

– Тогда сиди здесь и не высывайся. Тащу первого.

Синий, выскользнув на открытое место, ухватил за ногу один из трупов, подтащил его к борту:

– Помогай!

Рощин перехватил тело, вдвоем его загрузили в кузов. Присев, полковник сорвал с головы вязаную шапочку, нетерпеливо стащил противогаз.

И впал в ступор.

Синий, ухватив к тому моменту второе тело, чуть ли не шипя, взмолился:

– Ты спишь там, что ли? Помоги же!

Очнувшись, Рощин, двигаясь как робот, помог другу затащить в кузов второе тело. Игорь забрался следом, на ходу пояснив:

– Хватит парочки – пассажир твой в кузове поедет. С такой ногой ему в кабине делать нечего – она у него не сгибается.

Только сейчас осознав, что взгляд у Рощина какой-то странный, Синий посмотрел в сторону первого тела и, отвесив челюсть до колена, изрек невероятно нецензурную фразу, в которой одновременно наличествовали вопрос, восклицание, удивление, констатация крайней странности увиденного и уверенность в том, что разнообразные неприятности дальше будут лишь усиливаться.

Рощину ответить было нечего: повернувшись к хнычущему Богданову, он указал на тело:

– Эй! Ты! Это кто такие?!

– Свинки это, – скривившись, ответил страдалец.

– Какие, мать твою, свинки?! – выдохнул Синий.

Рощин, присев от нахлынувшей слабости в ногах, еле слышно произнес:

– Если Махров, падло, не наврал, их здесь четыреста миллионов.

* * *

Противогаз и в прохладную погоду таскать неприятно, а уж летом и подавно: пот с лица ручьями струился. Пуховики, естественно, значительно усиливали дискомфорт. Хорошо хоть не стали ватные штаны натягивать – иначе через пять минут можно рухнуть от теплового удара. И вдвойне хорошо, что догадались раскурочить фильтры, – дышали свободно. Кстати, фильтры оказались не угольными, а вроде как ватными. Какой толк от таких? Бессмыслица, как и многое, что сейчас происходило.

Синий вел грузовик уверенно, хотя за рулем КамАЗа сидел впервые. Но бывшему офицеру раньше доводилось гонять на технике несопоставимо тяжелее – навыки сохранились. Вел машину с непринужденностью профессионального таксиста – Рощин даже завидовать стал его невозмутимости и хладнокровию.

Сам полковник чувствовал себя будто на иголках с электроподогревом. И было отчего – куда ни глянь, везде эти твари с автоматами и на бронетехнике. На КамАЗ они не обращали внимания, но если обратят – конец. Не уйти им – они на всех улицах.

Несмотря на давящую угрозу, Рошин автоматически анализировал увиденное. Он обратил внимание, что чаще всего встречаются старые бронетранспортеры, вооруженные крупнокалиберными пулеметами, – наряду с КамАЗами они являлись главной техникой агрессоров. Пореже, но тоже чуть ли не на каждом шагу можно было встретить новенький БТР с автоматической пушкой и устаревший танк. Еще реже попадались старые «Акации»²⁰

²⁰ «Акация» – самоходная 152-мм гаубица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.